

КАЛИНИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
НА ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ**

СБОРНИК ПЕРВЫЙ

КАЛИНИН 1972

ОТ РЕДАКЦИИ

Труженики Верхневолжья свято чтут память о великом русском поэте, неоднократно бывавшем в их краях. Решением Исполкома Калининского областного совета депутатов трудящихся Малинники, Берново и Курово-Покровское Старицкого района объявлены заповедником. В Бернове открыт Пушкинский музей и установлен бюст поэта. В июне 1970 года в Бернове и Старице состоялись первые областные Пушкинские чтения, на которых с докладами выступили калининские литературоведы, старицкие и торжокские краеведы. Вторые Пушкинские чтения прошли в июне 1971 года. Основные доклады этих чтений включены в настоящий сборник.

На обложке — бюст А. С. Пушкина в Берново работы скульптора У. М. Рукавишникова.

Фото В. Леонова.

В. А. Никольский

ПУШКИН В 1828 И 1829 ГОДАХ

Каждого, кто обращается к наследию Пушкина, поражает творческая мощь поэта, всеобъемлющий характер его гения. Мысль Пушкина проникала в седую древность, воскрешая то летописное предание о князе Олеге, то события Смуты, то походы атамана Разина, то крестьянскую войну под предводительством Пугачева... Она уносилась в далекое будущее, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Но больше всего поэта привлекали современность, русские люди с их чаяниями и ожиданиями, бедами и радостями, судьбы народные. Взор поэта обнимал великую страну «от Перми до Тавриды, от хладных финских скал до пламенной Колхиды, от потрясенного Кремля до стен недвижного Китая»... Пушкин силою своего могучего воображения воссоздал живой облик других народов: западных славян, англичан и итальянцев, немцев и французов. Он с полным правом говорит о себе в «Памятнике»:

*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Пушкин принадлежит России, принадлежит человечеству!

Не делаем ли мы невольной ошибки, связывая имя поэта с тем краем, где живем, а его помыслы — с теми впечатлениями, какие он получал, несколько раз побывав на тверской земле? Нет ли опасности свести великое к малому?

Нет, если в этом малом видеть проявление великого, если тверские впечатления, знакомства Пушкина, все написанное им в старицких Малинниках и Павловском рассматривать в перспективе творческого пути, жизненного подвига поэта.

Нам дорог каждый день Пушкина, каждое произнесенное им слово, каждая написанная им строка, как они дороги советскому человеку. И исследования наших калининских краеведов с благодарностью будут приняты миллионами читателей Пушкина.

Своих тверских знакомцев Пушкин посещал главным образом в 1828—1829 годах. Это было нелегкое для поэта время.

Не так давно окончилось михайловское заточение Пушкина. Правительство Николая Первого, учинив кровавую расправу над декабристами, пошло, чтобы несколько реабилитировать себя в общественном мнении России и Европы, на лицемерный шаг «прощения» опального поэта. Оно имело к тому же цель привязать его к колеснице самодержавия, заставить его воспевать «благоденствия» монарха и «подвиги» его сатрапов. При этом произведения поэта должны были проходить тройную цензуру, поступая на просмотр царю, шефу жандармов Бенкендорфу, а затем в обычную цензуру, отличавшуюся в те годы особенною свирепостью. Пушкину все время давали понять, что он продолжает находиться под подозрением. В 1827 году проводилось дознание о стихотворении «Андрей Шенье», в котором официальные круги не без основания почувствовали дух декабризма. За поэтом был учрежден секретный полицейский надзор. В 1828 году возникло еще более опасное для Пушкина дело об антирелигиозной поэме «Гавриилиада». Оно было прекращено по распоряжению царя, что осложнило зависимое положение поэта.

Пушкин пишет в стихотворении этого года «Предчувствие»:

*Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей*

*Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*¹

На все просьбы о разрешении заграничной поездки (в Западную Европу или в Китай) Пушкин получает неизменный отказ властей. Путешествие на Кавказ, в действующую армию, в 1829 году Пушкин предпринимает на свой страх и риск и получает за это жесточайший разнос от Бенкендорфа.

Стало другим и столичное дворянское общество. «Возвратившись, — свидетельствует А. И. Герцен, — Пушкин не узнал ни московского общества, ни петербургского. Друзей своих он уже не нашел, даже имени их не осмеливались произносить вслух; только и говорили что об арестах, обысках, ссылке; все было мрачно и объято ужасом»...²

Эта обстановка отчасти отражена в заключительной восьмой главе пушкинского стихотворного романа, где описывается одиночество Онегина:

*Для всех он кажется чужим.
Мелькают лица перед ним,
Как ряд докучных привидений.*
(V, 168).

Тем большее восхищение вызывало героическое поведение жен сосланных декабристов, которые, презрев угрозы властей, отправились за мужьями в Сибирь: их нравственный подвиг приобретал политическое значение!

Настроения и переживания Пушкина были сложными и нередко мучительными, что и отразилось во многих стихотворениях этого времени. В оптимистическую лирику Пушкина диссонансом врываются не свойственные ей тоскливые ноты. Так, в мае 1828 года поэт пишет:

---

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. III. М. — Л., АН СССР, 1949, стр. 70.

В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках с указанием тома и страницы.

² А. И. Герцен. Сочинения в девяти томах. Т. III. М., ГИХЛ, 1956, стр. 452.

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?...
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

(III, 61)

Ведь это почти лермонтовское по тону стихотворение!

Неустроенной в эти годы остается и личная жизнь поэта. Пушкин все время в странствиях, которые подсказали ему горько-юмористические строки его «Дорожных жалоб» (4 октября 1829 года, перед отъездом из Москвы в Тверскую губернию). Он думает о семейной жизни, однако положение поднадзорного встает препятствием на пути к ней. Но Пушкин остается Пушкиным. Идейная закалка, полученная им в 1812—1825 годах, спасла поэта. Его суровое мужество, понимание того, что жизнь неистребима, жажда деятельности и любви, вера в русский народ побеждают настроения безнадежности.

Он заявляет в «Элегии» 1830 года:

*Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья...*

(III, 179)

Как бы то ни было, Пушкину как поэту предстояло определить в новых и крайне трудных политических условиях свою общественную позицию и свое место в жизни.

Правящие круги не без основания относились к нему с подозрением и считали нераскаившимся. Политические стихи Пушкина продолжали использоваться в пропагандистских целях теми, кто выступал

против николаевского режима. Ссыльные декабристы с волнением и надеждой следят за деятельностью поэта. А он призывает их в своем знаменитом послании оставаться гордыми и непреклонными, убеждая в исторической правоте их дела. В аллегорическом стихотворении «Арион» поэт заявляет о своей верности «прежним гимнам», то есть свободолобивым убеждениям. Путешествие в действующую армию на Кавказ он предпринимает, очевидно, и для того, чтобы повидать тех из декабристов, которые тянули там солдатскую лямку, отбывая ссылку.

И все же от программы-максимум — свержения самодержавия — приходилось отказываться. Силы революционеров из дворян оказались слишком слабыми перед силами правительства и стоящего за ним реакционного дворянства. А идея восстания во имя народа, но без его участия, обнаружила всю свою несостоятельность. «Декабристам на Сенатской площади нехватало народа», — скажет А. И. Герцен.

У Пушкина появляется мысль повлиять на правительство, склонить царя к преобразованиям, к смягчению участи политических ссыльных. В качестве примера Пушкин рисует образ Петра Первого как подлинно прогрессивного деятеля, как просвещенного монарха. В стихотворении 1826 года «Стансы», написанном «в надежде славы и добра», охарактеризовав Петра как «вечного работника на троне», Пушкин обращается к Николаю со словами:

*Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращурю подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.*

(II, 344).

Так в творчество поэта входит тема Петра, разработанная им в главах неоконченного исторического романа «Арап Петра Великого» (1827) и в поэме «Полтава» (1828), а позднее — в «Медном всаднике» (1833) и в стихотворении «Пир Петра Первого» (1835). Пушкин видит в Петре мудрого государственного мужа и национального героя (с годами ему становится все более ясной противоречивость облика и деятельности преобразователя России).

В иллюзорности своих надежд Пушкин убедился довольно скоро. Николай Первый отнюдь не собирался последовать его призывам. Мертвящая сила царизма предстала перед поэтом во всей своей наготе. Пушкин не мог не выражать в полный голос волновавших его мыслей.

И вот 9 ноября 1828 года, в Малинниках, им написано стихотворение «Анчар», исполненное глубокого историко-философского смысла. Конечно, ближайшим образом оно направлено было против николаевского деспотизма, стремившегося превратить русских людей в безропотных рабов, идущих даже на смерть по велению своих «владык». Но строки Пушкина направлены и против любого деления людей на «владык» и «рабов», и против всякой идеологии человеконенавистничества, какие бы исторически конкретные формы она не принимала. Эти строки бичуют «владык», даже в природе ценящих только ее губительные, разрушительные силы, которые можно направить на истребление рода человеческого. В этом смысле пушкинские строки актуальны и сейчас, продолжая разоблачать современных «князей» собственнического мира, которые только и ждут случая «гибель разослать соседям в чуждые пределы». А легендарное «древо яда» выглядит безобидно в сравнении с теми силами, которыми они теперь располагают. Глубоко гуманная мысль о жестокости и ненужности войн заложена в стихотворении поэта, он и раньше высказывал ее в своих заметках «О вечном мире». Поэт в них писал: «Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же как им стало ясно рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение — есть, пить, и быть свободными» (УП, 531, 749).

Необычайная убежденность Пушкина в правоте своих слов подчеркнута строгой, чеканной формой стихотворения «Анчар». Любимый пушкинский четырехстопный ямб звучит в нем сдержанно и сурово. А картина пустыни и «древа яда», которого сторонится все живое, потрясает читателя трагизмом.

Появление «Анчара» в печати, минуя «высочайшую» цензуру, вызвало крайнее раздражение в правящих кругах. Бенкендорф потребовал от поэта раскрытия смысла аллегии.

Таким образом, Пушкина, в дни его пребывания в тверских краях, нельзя представлять человеком, на время отрешившимся от забот и наслаждающимся отдыхом в кругу добрых друзей. Мысль его и теперь продолжала биться над мучившими его вопросами.

Программный характер имеет и другое стихотворение, написанное в Малинниках — «Поэт и толпа».

Пушкин понимал, что его сила — в художественном слове. Но каковы роль и значение поэта в современном мире?

На этот вопрос он ответил еще в «Пророке» (1826 год). К традиционному библейскому образу Пушкин прибегнул, чтобы поведать о высокой общественной миссии поэта, призванного «глаголом жечь сердца людей», провозглашать высокие истины. И вот что важно: поэт-пророк не простой исполнитель чьей-то воли, а сам испытывает жизнь. Он зорче и более чуток, чем остальные люди, он мудр и прозорлив, у него пылающее огнем сердце. Это пушкинский манифест гражданской реалистической поэзии!

Дворянское общество также предъявляло свои права на внимание поэта. Оно не прочь было видеть в его лице своего гаера, душеприказчика, читающего публике легкие, ни к чему не обязывающие наставления, слегка карающего пороки... Но Пушкин дает гневный отпор этим покушениям на его творческую свободу. «Чернь», которую с презрением гонит от себя поэт, — это светская чернь, светская толпа, ждущая от поэзии непосредственной и низменной «пользы». С этой чернью у поэта не может быть ничего общего, и ее судьба его не заботит!

*Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры, —
Довольно с вас, рабов безумных!*
(III, 86)

Гневные пушкинские строки как бы предвосхищают инвективы лермонтовской «Смерти поэта». Между стихотворением «Пророк» и стихотворением «Поэт и толпа» (как и стихотворением 1830 года «Поэту») нет внутреннего противоречия: разными являются их адресаты. Но, рассматриваемое изолированно от всего написанного Пушкиным в эти и последующие годы, оно давало нередко повод к обвинению поэта в защите искусства, отрешенного от общественных интересов. Так пытался, например, истолковать его Писарев.

В Малинниках написано и «Посвящение» к незадолго до этого законченной поэме «Полтава». Оно адресовано, вероятнее всего, Марии Николаевне Волконской, урожденной Раевской, которая в это время уже уехала к мужу, сосланному на каторгу в Сибирь. Глубокое личное чувство поэта сливается в строках «Посвящения» с гражданской скорбью о томящихся в царских застенках товарищах и друзьях.

*Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.*

(IV, 251)

Если строки эти обращены к Раевской-Волконской, следует признать, что А. С. Пушкин принимает и развивает один из мотивов поэмы К. Ф. Рылеева «Войнаровский».

Рылеев трогательно рассказал о казачке — жене Войнаровского, — которая, невзирая на лишения и опасности, пробирается в Сибирь, чтобы своей любовью и заботой скрасить тяжкое существование мужа. Прославляет героизм жен политических ссыльных и Пушкин. Через несколько десятилетий к этой теме обратится великий поэт русской крестьянской демократии Некрасов в поэме «Русские женщины». Он нарисует волнующую сцену проводов Волконской в Сибирь, ее прощание с Пушкиным.

«Посвящение» как-то внутренне связывает тему Петра с темой декабризма.

В 1828—1829 годах Пушкин близок к завершению своего стихотворного романа. Многие строфы седьмой его главы и «Путешествия Онегина» создавались в Малинниках и Павловском. И когда мы читаем об одиноких прогулках Татьяны перед ее отъездом в Москву на «ярмарку невест», то чувствуем, что в картинах сельской природы огазились старицкие впечатления поэта не в меньшей мере, чем воспоминания о рощах и холмах Михайловского. Пушкиным воспеты, несомненно, берега Тьмы, как ранее — берега Сороти.

Пушкин, создавший уже замечательные реалистические произведения, в ряду которых, кроме «Полтавы» и «Евгения Онегина», и «Борис Годунов», должен был сформулировать свое новое эстетическое кредо. И вот что для нас особенно знаменательно: именно тверские наблюдения как-то помогли выкристаллизоваться замечательной поэтической формуле пушкинского реализма, какую мы обнаруживаем в «Отрывках из путешествия Онегина».

Условному романтическому пейзажу своих южных поэм и стихотворений он противопоставляет скромную прелесть северного русского ландшафта, сцены деревенской жизни: «...песчаный косогор», «перед избушкой две рябины», «пруд под сенью ив густых». Эти картины — нечто неизмеримо большее, чем описание местности, зарисовки видов Павловского. Пушкин этими строками говорит, что предметом поэзии должна стать действительная жизнь во всей сложности и пестроте ее явлений и прежде всего — жизнь народная.

Это обращение к такой «обыкновенной» природе северорусской полосы поэт шутливо объяснял тем, что миновала молодость, настал «жизненный полдень», приближается тридцатилетие. Причина, конечно, не в этом: Пушкин все в большей мере становился «поэтом действительности». Все более русскими оказывались и создаваемые им пейзажи.

Русский колорит особенно ярок в его стихотворениях об осени и зиме, над которыми поэт работал еще в Михайловском: «19 октября», «Зимний вечер», «Зимняя дорога». Тверская природа располагает к дальнейшей разработке этой темы. Так возникает неокончен-

ный стихотворный отрывок 1828 года «Как быстро в поле, вокруг открытом». В нем обнаруживаются любимые теперь Пушкиным образы и поэтические выражения: быстрый бег коня, звонкие звуки промерзлой земли под его копытами, сравнение бури с запоздалым путником, стучащимся в окно...

*Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.*
(III, 99)

Через пять лет, уже в Болдине, поэт вернется к этим оставленным строкам и развернет их в большое стихотворение «Осень» со знаменитым признанием в особенной своей любви именно к этому времени года.

В Павловском в 1829 году созданы два стихотворения о зиме: «Зимнее утро» и «Зима, что делать нам в деревне?». Первое из них звучит настоящим дифирамбом родной природе: сверкающему на зимнем солнце снегу, блестящей подо льдом речке, прозрачно чернеющему лесу, всему этому праздничному зимнему блеску...

В сорока семи строках второго стихотворения поэтом развернута целая картина провинциального дворянского быта, так ему знакомая по пребыванию у Вульффов и Осиповых. Это картина сложная. Поэт говорит о зимней скуке и одиночестве, когда не хочется даже сочинять: «ко звуку звук нейдет», «стих вяло тянется, холодный и туманный», как сам этот долгий наконец-то прожитый день. А кругом скучные разговоры «о близких выборах, о сахарном заводе». Но как все преобразуется и становится поэтичным, когда одиночество сменяется молодым весельем с приездом неожиданных гостей, среди которых «две белокурые, две стройные сестрицы!» Почитайте письма Пушкина из Малинников и вы увидите, что все это им пережито. 26 ноября 1828 года он пишет А. А. Дельвигу: «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в Онегина и страшат мною ребят, как букою. А я езжу по пороше, играю в вист по 8 гривен роберт — и таким образом прилепляюсь к престелям добродетели и гнушаюсь се-

тей порока — скажи это нашим дамам; я приеду к ним омолодившийся и телом и душою» (X, 255).

Так мы подходим еще к одной очень важной закономерности в творчестве Пушкина тех лет: его интересу к художественной прозе. «Лета к суровой прозе клонят, лета шалунью рифму гонят», — пошутит он в «Евгении Онегине». Но это не его личные «лета», а лета русской литературы вообще, которая стояла перед задачей разработки прозаических жанров.

Осенью 1829 года, в Павловском, Пушкин работает над своим «Романом в письмах», оставшимся незаконченным, но сыгравшим заметную роль в творческом развитии поэта.

Роман задуман как переписка двух подруг: Лизы, удалившейся в деревню к родственникам (деревня прямо названа в приписке к первому письму — село Павловское!) и Саши, оставшейся в Петербурге. В сравнении со столичной суетой и угаром светских развлечений деревенское существование выглядит осмысленным и нравственным. Лиза признается в первом же письме: «Я тотчас привыкла к деревенской жизни, и мне вовсе не странно отсутствие роскоши. — Деревня наша очень мила. Старинный дом на горе, сад, озеро, рощи сосновые, все это осенью и зимой немного печально, но зато весной и летом должно казаться земным раем. Соседей у нас мало, и я еще ни с кем не видалась» (VI, 60).

Это настроение самого Пушкина. Мучимый неослабным вниманием III отделения «собственной его величества канцелярии», задыхаясь от тисков цензуры, он рвался в сельское уединение. «Эх, если бы мне удрать на свежий воздух!» — воскликнет он в одном из писем. Но его не отпускали на длительный срок даже в деревню.

В «Романе в письмах» Пушкин размышляет над судьбами русского дворянства, пишет об оскудении старинных родов, о выдвижении на первый план нового дворянства, этих выскочек, наглых и пошлых. В 1830 году этой теме он посвятит «Мою родословную», в которой есть такие строки:

*Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей!
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней.*

*Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.*

(III, 208)

И, наконец, самое важное: автор «Романа в письмах» поднимает вопрос о положении крестьянства, о своекорыстии помещиков. Он видит, что Русь крестьянская противостоит Руси помещичьей. Отношения между помещиками и крестьянами очень уж далеки от идиллических. Мысли об этом автор вкладывает в уста одного из участников переписки — Владимира. Тот сообщает своему другу: «Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более мы имеем над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застаёт в нужде и хлопотах...

Все это надумал я, живучи в чужой деревне, глядя на управление мелкопоместных дворян. Эти господа не служат и сами занимаются управлением своих деревушек, но признаюсь, дай бог им промотаться как нашему брату. Какая дикость! Для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ними процветают еще Простакковы и Скотинины!» (VI, 71, 72, 73). Вспомним, что в числе гостей Лариных на именинах Татьяны были и «Скотинины, чета седая, с детьми всех возрастов, считая от тридцати до двух годов»...

В этом смысле идейный замысел «Романа в письмах» в чем-то существенном повторяет замысел пушкинской «Деревни» 1819 года: в юношеском стихотворении за идиллическим изображением «пустынного уголка, приюта спокойствия, трудов и вдохновенья» следует гневное обличение «рабства дикого», присвоившего себе «насильственной лозой и труд, и собственность, и время земледельца»...

«Роману в письмах» не суждено было стать законченным произведением. Но от него тянутся явные нити к знаменитым «Повестям Белкина» 1830 года.

В сюжетах «Метели» и «Барышни-крестьянки» Пушкин затрагивает ту же среду провинциального барства,

изображает дворянский быт, помещичьих дочек, выросших на свободе под сенью яблонь и вишен, несложные перипетии, иногда забавные, иногда немного грустные, усадебных романов. А едкие мысли о «диком барстве» перейдут в сатирические зарисовки «Истории села Горюхина»...

Старицкие наблюдения Пушкина помогли, вероятно, и вызреванию замысла повести «Дубровский». В ней ведь тоже «родов дряхлеющих обломков» старик Дубровский противопоставлен выскочке Троекурову, а троєкуровские «забавы» напоминают кое-что в крепостнической практике Вульфов, особенно владельца Бернова.

Антикрепостнический характер носит и незаконченная драма Пушкина из народной жизни, которой издатели дали заглавие «Русалка». Ее замысел восходит к 1826 году, а в последний раз Пушкин работал над нею в 1832 году. Но старицкая молва упорно связывает раздумья поэта над сюжетом с местным преданием о дочери мельника, обманутой дворянином и бросившейся в омут. Называют при этом и прямо берновского барина И. И. Вульфа, повинного в совершившемся.

Автор драмы обращается к сюжету, разработанному еще Карамзиным в его «Бедной Лизе». Но насколько острее своего предшественника ставит вопрос Пушкин! Поэт горько задумывается о социальном неравенстве, губящем людей из народа, о погоне за богатством и положением в обществе как движущей пружине в дворянском кругу, о том, что золотому тельцу приносятся в жертву самые дорогие и чистые человеческие чувства. Дочь мельника у Пушкина не только жертва княжеского непостоянства, но и судья над ним, а по логике сюжета — и мстительница.

Пройдет немного лет, и тема народного возмущения займет одно из ведущих мест в творчестве Пушкина тридцатых годов, автора «Капитанской дочки» и «Сцен из рыцарских времен».

Таким образом, Пушкин в годы, следовавшие за разгромом движения дворянских революционеров, должен был по-новому определить свое место в обществе и осознать свою историческую роль. Ему надо было достойно и мужественно ответить на притязания правительственных кругов, косной дворянской массы, реак-

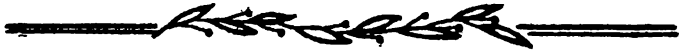
ционной критики. Он с честью выходит из этих испытаний как народный поэт. Происходит углубление пушкинского реализма, обогащается его художественная палитра убежденного реалиста. Он завершает свое любимейшее создание — стихотворный роман, глубоко отразивший важнейший момент в историческом развитии русского общества: пробуждение общественного самосознания. Расширяется круг наблюдений поэта над русской действительностью.

Тверские впечатления и наблюдения Пушкина 1828—1829 годов сыграли в творчестве поэта свою определенную и заметную роль. Они помогли ему многое уяснить в народной жизни, они столкнули его с людьми, подсказавшими ему необходимые штрихи в характеристиках многих его персонажей. Они помогли ему сформулировать свое кредо строгого реалиста. Он еще более проникся красотой северной русской природы и создал неповторимые национальные пейзажи. Тверские впечатления не только питали критическую мысль Пушкина, но и его социальный оптимизм.

От того, что им написано на тверской земле, тянутся живые нити к важнейшим его произведениям. Можно смело сказать, что две старицкие осени Пушкина , подготовили знаменитую в его творческой биографии , Болдинскую осень!

А. В. Гончарова

О ВОЗМОЖНЫХ ТВЕРСКИХ ИСТОЧНИКАХ «СКАЗКИ О ПОПЕ И РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ»

А. С. ПУШКИНА

Ответ на вопрос об источниках сказок Пушкина приобрел в науке значение аксиоматической истины. После П. В. Анненкова многие ученые свои суждения о сказках Арины Родионовны как первооснове и единственном источнике пушкинских сказок высказали весьма безапелляционно и решительно. И лишь М. К. Азадовский поставил под сомнение основополагающее значение няниных сказок для Пушкина. К сожалению, для всех сказок (кроме «Сказки о попе») он стремится найти иноземный источник и генетически связывает пушкинские произведения со сказками братьев Grimm¹. Но в книге А. Слонимского Арина Родионовна вновь возводится в ранг талантливых «учителей» Пушкина, которым был многим обязан поэт. Исследователь не ограничивает влияние Арины Родионовны лишь кругом фольклорных тем, образов, сюжетов: «...это влияние, — утверждает А. Слонимский, — проявлялось и в языковом строе поэта, и в самой манере глядеть на вещи»².

В архиве Пушкина сохранились конспективные записи семи сказок, сделанные рукою поэта, и среди них

¹ М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Л., Гослитиздат, 1938, стр. 65—106.

² А. Слонимский. Мастерство Пушкина. М., ГИХЛ, 1959, стр. 397.

запись сказки «Балда» из цикла сказок об одураченном черте и великане (батрак дурачит черта и разделяется с хозяином).³

Социальная острота сказок типа «Балда», в том числе и той, которая записана Пушкиным, достигается путем противопоставления сильного, ловкого и смелого батрака глупому нанимателю-эксплуататору (попу). Несмотря на конспективность записи, сказка Пушкина с замечательной точностью передает все главное и типичное, что присуще ей как произведению народного творчества. Из нее взяты поэтом для «Сказки о попе и работнике его Балде» основные мотивы, в особенности наем батрака-силача в работники к попу. Жадный попу рад, что Балда не просит за свою службу денег и радится всего за 3 щелчка в лоб попу. «Балда дож и работящ, но срок уже близок, а поп начинает беспокоиться»⁴. Батрак выполняет трудное задание — собирает оброк с чертей. Затем следует расплата с попом.

По заключению М. А. Цявловского, записи сказок Пушкина, включая сказку «Балда», относятся к михайловскому периоду, а именно: к концу 1824 года. Однако эта дата устанавливается лишь на основе двух известных писем Пушкина из Михайловского — к брату Льву и Д. Н. Шварцу. Первое письмо содержит весьма высокую оценку русской сказки: «Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно, после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма»⁵. Здесь, как видно, сказочник не назван, но в письме к Шварцу Пушкин ссылается на сказки няни: «Вечерами слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны»⁶. Условность отнесения рукописи со сказками к михайловскому периоду очевидна. Во-первых, учеными не принято во внимание отсутствие в первом письме

---

³ Указатель сказочных сюжетов Аарне—Андреева... № 1000—1199.

⁴ Сказки в записи А. С. Пушкина. -- В кн.: «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. В ст. ст. и коммент. Н. В. Новикова. М.—Л., АН СССР, 1961, стр. 120.

⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. X. М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 108.

⁶ Там же стр. 115.

указания на лицо, от которого поэт слушает сказки. Во-вторых, ссылка на няню во втором письме еще не дает достаточных оснований к тому, чтобы датировать записи народных сказок, произведенные Пушкиным, михайловским периодом. В-третьих, в упомянутых источниках совершенно отсутствуют данные, позволяющие установить принадлежность записанных сказок одному лицу и назвать этим лицом Арину Родионовну.

Как ни странно, утверждение о принадлежности пушкинских рукописных сказок Арине Родионовне стало традиционным. Практически же вопрос о том, где и от кого Пушкин записал народные сказки, и в их числе сказку «Балда», до сих пор остается нерешенным. Причем решение этого вопроса нисколько не грозит умалением роли Арины Родионовны как наставника и друга великого поэта, а наоборот, помогло бы глубже понять Арину Родионовну как выразительницу народных стремлений, дум и заветных чаяний, сущность которых всемерно желал постичь Пушкин.

«Сказка о попе и работнике его Балде» была первым произведением поэта, выполненным в сказочном жанре. Она написана в числе других произведений в дни знаменитой Болдинской осени. «Сказка о попе» свободно ложилась на бумагу и была написана быстро (13 сентября).

Но что предшествовало этому? Самому акту написания «Сказки о попе» предшествовала продолжительная работа: накопление материала, кристаллизация замысла, обобщение опыта рассказывания сказки и т. п. Важную роль при этом сыграли, несомненно, михайловские впечатления, а возможно, и материал, полученный в Болдине. Не случайно пушкинисты, устанавливающие фольклорные источники сказок поэта, обращаются к сказочному фольклору именно этих мест. Но можно предположить, что определенное место в пушкинской творческой лаборатории занимали и тверские впечатления. При этом нужно исходить из следующих соображений.

Во-первых, «Сказка о попе», как и другие произведения периода Болдинской осени, идейно и эстетически весьма близка той поэтической продукции, которая была создана Пушкиным в Тверской губернии, поскольку между болдинским периодом и творчеством преды-

душих лет нет разрыва. Их объединяет углубление пушкинского реализма и утверждение поэта на путях создания народного искусства.

Во-вторых, приезды Пушкина в Тверскую губернию, его пребывание в Бернове и Малинниках были особенно продолжительными в 1828—1829 гг., т. е. в годы, хронологически предшествующие Болдинской осени. В современной пушкиниане Берново и Малинники упоминаются в одном ряду с Москвой, Петербургом и Михайловским, т. е. такими местами, где протекала вся творческая жизнь поэта. Интересно отметить, что пребывание в Бернове и Малинниках в обществе простых и душевных людей, среди родной природы глубоко импонировало поэту и располагало к творчеству, а Петербург действовал на него угнетающе. Вспомним ту оценку, которую давал Пушкин жизни в Петербурге: «Петербург мне не подходит ни в каком отношении; ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться».

В-третьих, как свидетельствуют очевидцы и современники, в Бернове и Малинниках Пушкин был близок простым людям. Он любил бродить по окрестностям, много ездил верхом, встречался с крестьянами, любил поговорить и пошутить с ними.

В литературе нет упоминаний о его отношении в эти годы к народной сказке, хотя о внимании к легендам, преданиям говорится не раз. Но, интересуясь традиционными преданиями и легендами, Пушкин вряд ли оставил бы без внимания сказочный фольклор, который здесь представлен богато и имел свои прочные традиции.

Среди крестьян Пушкин, несомненно, находил и одаренных сказочников. Еще В. И. Чернышев высказал предположение, что сказочниками, интересовавшими Пушкина, кроме Арины Родионовны, могли быть и другие лица, тем более, что в 20—30-х годах слушание сказок было довольно обычным занятием поместных дворян⁷. Не случайно, что Ивана Ивановича Белкина Пушкин изображает человеком, который интересуется

---

⁷ В. И. Чернышев. Пушкин в русские сказки. Записи. — В кн.: Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на листах, наблюдения и исследования чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышева. М.—Л., АН СССР, 1960, стр. 279.

сказками и награждает сказочников своим особенным доверием: «Поручил он (Белкин) управление старой своей ключнице, приобретшей его доверенность искусством рассказывать истории». «Все сказки, которые только могла запомнить ключница Кирилловна, были мне пересказаны». Известно, что и «Повести Белкина» написаны тогда же, в период Болдинской осени, т. е. в то время, когда впечатления, приобретенные в Тверской губернии, были еще свежи.

К сожалению, мы не располагаем записями сказок Тверской губернии, относящимися ко временам Пушкина. Отсутствие публикаций народных антипоповских и антирелигиозных сказок фольклористы справедливо объясняют цензурными соображениями. «Некоторое количество записей, — пишет Дм. Молдавский, — сделано и издано было после 1905 года. После 1917 года число записей сказок о попах значительно возросло, причем в этих поздних вариантах заметно усилены антирелигиозные мотивы»⁸.

Тверской сказочный фольклор зафиксирован еще со времен А. Н. Афанасьева в некоторых печатных сборниках и рукописных собраниях. Для нас особенно важен тот факт, что варианты сказок, в которых фигурируют «одураченный черт и работник», записанные в нашем крае, ближе других известных нам вариантов стоят к пушкинской «Сказке о попе и работнике его Балде».

В составе собрания А. Н. Афанасьева три сказки сюжетно напоминают нам пушкинскую сказку⁹. В них в различных комбинациях взаимодействуют следующие мотивы: угроза работника при помощи большой веревки вытащить чертей из озера, состязание чертенка в беге с зайцем, закидывание дубинки, расчет с хозяином. Лишь одна из них («Шабарша», № 150) содержит эти мотивы в той последовательности, которая более или менее напоминает пушкинский текст. При этом все три сказки Афанасьева лишены социальной остроты, свойственной пушкинскому произведению. В них нигде

---

⁸ Дм. Молдавский. Русская народная сатира. Л., «Прогресс», 1967, стр. 60.

⁹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В трех томах. Т. I. М., ГИХЛ, 1957, №№ 149, 150, 151.

не упоминается поп, и акцент делается на состязании работника с нечистой силой.

В десятках вариантов сказок о попе и работнике, просмотренных нами в различных сборниках, связь с пушкинской сказкой ограничивается лишь одним-двумя мотивами (и то представленными иначе, чем у Пушкина). Например, в сказке А. Н. Корольковой «Поп и работник» использован мотив найма попом дешевого работника, а в остальном сказка представляет собой контаминацию разных сказок, позволяющую раскрыть образ ловкого работника и его конфликт с жадным попом¹⁰.

В. И. Чернышевым в 20-х гг. записаны две сказки в районе Тригорского от А. Ф. Дворецковой, 50 лет, и одиннадцатилетней девочки Мани Петровой. Но вторая короткая сказочка «Ванюшка и черти» содержит лишь схематическое изложение двух мотивов состязания царева работника Ванюши с чертом (мотив состязания «на обгон» и забрасывания «трехпудовой гири») (гири)¹¹.

Интереснее сказка «Вор Андрюшка», записанная от А. Ф. Дворецковой. В этой сказке мы видим контаминацию сказки о ловком воре со сказкой о находчивом работнике, сначала продавшем похищенную им барыню чертям, а потом вызволяющем ее от них.

К этой сказке сюжетно близко стоит сказка «Климка-вор», записанная в 1936 году А. М. Лашиной от Николая Сидоровича Сидорова в Новоторжском районе Калининской области. Это был талантливый русский сказочник, от которого записано около семидесяти сказок. В 30-е годы Н. С. Сидоров имел славу замечательного мастера сказки, мудреца и художника. По этому случаю его называли Львом Толстым, а хутор, где он проживал, — Ясной Поляной.

Сказка Н. С. Сидорова «Климка-вор» несравненно поэтичнее и богаче по содержанию сказки А. Ф. Дворецковой. Интересно, что мотивы состязания ловкого мужика с чертями, как и в сказке Дворецковой, вхо-

---

¹⁰ Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой. Сост. Э. В. Померанцева. М., «Наука», 1969, стр. 359—364.

¹¹ Сказки и легенды пушкинских мест, стр. 80.

дят в состав авантюрной сказки о ловком воре, включающей также древний мотив состязания черта с медведем и осложненной широким красочным повествованием о состязании умного мужика с глупым баринном и его семейством.

Перед нами одна и та же типично авантюрная сказка, которую Пушкин мог услышать либо в Псковской, либо в Тверской губернии, а возможно, и в Псковской и в Тверской губерниях. Но тверской вариант, представленный Н. С. Сидоровым, несомненно, богаче и художественно совершеннее, чем вариант псковский. В псковском варианте опущены отдельные мотивы, например, мотив состязания по переноске лошади, которую не мог поднять чертенок, а мужик «между ног защебил и понес», а главное — присутствующие в сказке А. Ф. Дворецковой мотивы изложены обедненно, схематично. Чтобы убедиться в этом, сравним два варианта (в отрывках).

Из сказки А. Ф. Дворецковой

Барин и говорит: «А где барыня?»

А ён говорит: «Цартям продал». Барин говорит: «Ону б не нужно было продавать бы вам барыню».

А ён говорит: «Я её цартям продал». Ну, говорит: «Как ону достать?» — «Дайте еще пеньке мне». Барин дал ему три сажени дров, дал пеньки, сколько требовалось.

Вот он около озера наче огонь и вье веревки. Быбегаёт оттуда цартеноч: «Что ты, Андрюшка-вор, делаешь?» — «А я, говорит, буду возеро морщить, да вас, чертей, буду корчить. Отдайте барыню». Ен в воду. Вот оттуль с воды выскакивает: «Хозяин посылает нас на вора — который из нас обгона, тогда подадим барыню». Он говорит: «У меня трехлетней младенец вас обгона». И ен цартеноч скал (ска-

Из сказки Н. С. Сидорова

— Климка, где барыня?

— Чертям в кухарки продал.

— А что, можно назад воротить?

— Можно, — говорит, — и назад воротить.

— Ну вот, во что бы то ни стало надо барыню воротить назад.

Климка набрал пеньки, льну, пошел на берег, колышки всколоти, веревку вьет.

Чертенок приходит.

— Что, Климка, делаешь?

— Вот что: буду веревки вить, берег с берегом сводить да вас, чертей, из воды тащить, молодых в солдаты отдавать, а старых давить.

— За что, Климка?

— Отдайте назад барыню.

Ну чертенок побежал к старому деду.

— Дедка, Климка хочет нас выводить.

— За что?

— Барыню назад просит.

зал), што побяжим. И ён пустил зайчика, а царенок сам побег. Зайчик яво обогнал.

Ну вот, он в воду, а вгорой ишо оттуда выскакивае. «Давай, говорит, бороться: кто в нас повали, то барыню подадим». И ён говорит: «У меня самый древный старинок тебя повали». Пошел, привел медведя. «Ну-ка, говорит, Миша-медведь, схватись-ка ты». А Миша-медведь перековеркал, насилу он в воду ввалился. Ну, вот сыне выскакивае, уже тот доволен. «Ну вот, говорит, хто выше палицу железную кини, тогда барыню подадим». И ее как кинул, черт, так ему, Андрюшке-вору, и глазам не заглядеть. А он говорит: «Ну-тка ты кидай». А он говорит: «Я как кину, так твои глаза стеряются. Дай-ка я тебе платом завяжу твои глаза». Ну вот, ён завязал. Как он этой палицей свистнул, башку-та разбил. Он марш туда в моря.

Вот и привезли барыню, худенькую-худенькую барыню, чуть живую отгуль. Привезли, барин поблагодарил и сказал: «Верно, ты, Андрюшка-вор!»
Вся¹².

— Пойди, ему скажи: кто из вас бойчее пробежит, того и барыня. А у Климки в мешке были два зайца. Черенок приходит.

— Ну что дедка сказал?

— Дедка сказал: кто кого перегонит, того и барыня.

— Эх, ты, глупый! Где тебе меня перегнать. Тебя и сынишка мой перегонит.

— А где он?

— Вот сидит. Догоняй!

Выпустил зайца. Заяц побежал, черенок за ним: «Сынок, сынок, давай поравнимся!», а зайца уж и не видать.

Приходит черенок к деду:

— Где же с ним перегоняться? У него младший сынок и то у меня от глаз ушел, я не догнал.

— Ах, что б ему, какой бойкий!

Ну вот, говорит, теперь подите поборитесь. Кто поборет, того и барыня.

Черенок пошел и сказал.

А Климка знал медведя в берлоге.

— Эх ты, где тебе со мной тягаться. У меня деду 70 лет, на печи лежит и то тебе с ним не справиться.

— А где он?

— Пойдем, покажу.

— Привел чертенка к берлоге.

— Вот, — говорит.

Черенок и давай тыркать медведя. Раствыркал, раздразил. Как забрал его медведь в охапку и давай его ломать, тот и вырваться не может, изломал всего. Приходит к деду своему чуть не со слезами.

— Нет, — говорит, дедушка, с Климкой нечего бороться. У него деду 70 лет и то изломал меня всего, а Климка то совсем убьет.

¹² Сказки и легенды пушкинских мест, стр. 65—66.

— Ах, што б его! Ну, вот там кобыла ходит, кто ее поднимет, того и барыня.

Чертенок приходит к Клижке.

— Вот дедушка, что сказал, Клижка: «Кто эту кобылу снесет, того и барыня».

— Ах, дурак, какой!

Бес под кобылу подлез, надувается, жрчит, а кобыла все не поднимается.

— Эх, ты, а еще со мной берешься. А я вот между ног защемлю и подниму куда хочешь. Вскочил он на лошадь и помчался. Пришел чертенок к деду.

— Ну и сила у Клижки, дедушка; он лошадь между ног защемил и понес, а я не мог поднять.

— Вот что. Возьми эту мою палку и скажи Клижке, кто выше ее закинет, того и барыня, уж делать нечего.

— С медной палкой в 10 пуд ты опять, чертенок, тут?

— Вот что, Клижка, дедушка сказал: кто из нас палку выше закинет, того и барыня.

— Давай. Ну, кидай ты вперед, — Клижка черту говорит. Чертенок как запустит — только завылч. Высоко закинул! Клижке как быть: палку-то не подыметь. На хитрость. Смотрит на облака, а рука под палку.

— Ну, кидай, Клижка.

— А вот погоди, видишь — туча подходит. Там живет мой старший брат — кузнец. Я и закину ему, на подковы переделает.

— Нет, это малка дедушкина.

— Ну, тогда барыню отдавайте. Им делать нечего, пришлось барыню отдавать, а жалко¹³.

---

¹³ Сказки Н. С. Сидорова. Записала А. Лашина. Калинин, 1936. Рукопись. Хранится в архиве автора этих строк.

В Тверской губернии данная сказка вообще была бытующим произведением. Об этом свидетельствуют записи, произведенные в иных районах, например, в Теблешском. В 1937 г. Г. П. Ухановым была записана эта сказка в дер. Поддубное от блестящего мастера сказки Михаила Кузьмича Пухлова. В том же году В. Я. Арсеньевым она записана в селе Ильгощи от сказочника Матвея Фомича Фомина.

В обоих вариантах образ работника-силача, который к 30-м годам стал архаичным, заменен образом пастуха. Пребывание пастуха у моря не мотивируется. Сказка начинается сразу:

«Сидел пасгух на берегу и вил оборки (у Фомина: «вил веревочки»), и вот к нему выбегает чертенок и спрашивает:

— Пастушок, пастушок, что ты делаешь?

— Я веревку вью, хочу реку жать, вас, чертей, выживать.

И далее строго выдерживается состязание героя с чертом по известным уже нам мотивам. Но в варианте Пухлова сохранен древний мотив состязания в свисте:

Вот чертенок вылезает из воды и говорит:

— Пастушок, давай, кто шибче свистнет, тот и будет нас выживать.

Пастух:

— Давай.

Вот этот пастух и заставляет его:

— Давай ты свисти сперва.

Чертенок так свистнул, что с деревьев лист посыпался.

— Ну, — говорит, — ты хорошо свистнул, теперь давай я свистну, только ты стань в воду так, чтобы маковка наружу была, а то уши лопнут.

Вот когда чертенок встал в воду и из воды стало маковку видать, пастух приловчился и свистнул дубинкой по маковке чертенку (у них хорошие были дубинки). Он как свиснул, чертенок и ушел в воду. Приходит к своему деду и говорит:

— Ну, — говорит, — дедушка, я свистнул — лист посыпался. Он свистнул — я так и пошел в воду, индо голова заболела. Вот дед его снова посылает:

— Ну, лоди, — говорит, — возмись бегать с ним, кто из вас бойчее. Вот если он тебя обгонит, то нас выживет, а если не обгонит, тогда не выживет.

Далее последовательно раскрывается содержание всех известных нам эпизодов с добавлением эпизода расплаты черта с пастухом, который потребовал целую шапку золота, а сам придумал такую хитрость:

«...вырывал в кочке дырочку и положил шапку на эту кочку. Вот чертенок стал сыпать золото, пастух шапку трясет. Вот золота у чертенка не хватило насыпать пастуху шапку сразу. Он еще его послал за золотом. Чертенок и таскал все время, пока не засыпал яму и шапку целой горой золота».

Видимо, тверские сказочники дорожили сюжетом, унаследованным от своих древних предков, и, так же, как и А. Н. Дворецкова, стремились сохранить его без особых изменений — именно таким, каким он был известен народу в старину и каким, очевидно, был услышан Пушкиным. В рамках сложившегося сюжета варьируются лишь отдельные элементы, при этом не нарушая общей структуры произведения. Из варианта А. Н. Дворецковой, как уже отмечалось, выпал мотив поднятия лошади, зато так же, как у Н. С. Сидорова и Н. К. Пухлова, сохранен древний мотив состязания беса с медведем, напоминающим мифологического бога-зверя, так широко представленного в древних сказках о животных. В этом мотиве сохранились отголоски древних тотемистических верований предков. Медведь изображается, как мрачная сила, которой противостоять невозможно.

Этот мотив, повторяющийся во всех трех вариантах и свидетельствующий об экстенсивном распространении древнего сюжета, безусловно, служит показателем первичности народной сказки по отношению к сказке Пушкина. Ее первичность подтверждается и вариантом М. Ф. Фомина, в котором подробно разработаны центральные мотивы состязания в силе: забрасывание дубинки, чтобы «померяться, — чья сила больше» и «кто с лошадей шибче побежит, лошадь в охапку — и побежать». Интересно, что чертенок справляется с трудным заданием:

«...лошадь взял в охапку и побежал, что есть сил. Прибежал и говорит пастуху:

— Ну-ка, теперь ты сделай так.

А пастух отвечает ему:

— В охапке-то каждый сможет, а ты ее промеж ног стащи».

Можно думать, что от данного мотива состязания в силе веет глубокой древностью. Здесь бесенок представлен действительно сильным, физически превосходящим героя, и состязание показано в своем, можно сказать,

первозданном виде. Лишь в более поздних вариантах оно будет стерто, и бесенок в поединке с хитрым работником будет показан жалким, слабосильным. Эта трансформация подхвачена и Пушкиным:

*Бедненький бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.*

Итак, во всех вариантах, зарегистрированных в отдаленных друг от друга районах, сюжетная основа в целом остается устойчивой. Но в пушкинской сказке допущены вполне объяснимые изменения. Например, совсем опущен как реликтовый древний мотив состязания беса с медведем, который в сказке с остро социальным содержанием был, разумеется, излишним; нет и той чудовищной страшной силы, которой наделялся бес в старых сказках и побывальщинах — напротив, он выглядит смешным и жалким. Если в сказке М. К. Пухлова пастух на голову черта обрушивает тяжкий удар дубиной, то у Пушкина этот древний мотив состязания в свисте (кстати, в нашем крае широко распространенный в сказках типа «Цыган и черт») осовременен. Удар по голове поэт переадресовал попу, с которым расплачивается работник такими щелчками, которые равносильны ударам дубины:

*С первого щелчка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелчка
Лишился поп языка;
А с третьего щелчка
Вышибло ум у старика.*

Трансформация коснулась и образа главного героя, хотя существенных изменений с ним и не произошло. Климка (или Андрюшка-вор) — это ловкий, удачливый работник, мастер на все руки. Это образ народного героя бытовых сказок, который сохранен и Пушкиным. Его Балда сродни Климке-вору, на принадлежность к категории авантюрных воров указывает его

поистине артистическая изворотливость, находчивость, предприимчивость и ловкость:

*Досветла у него все пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закунит,
Яичко испечет да сам и облупит.*

Но если в народной сказке ловкому работнику противостоит глупый барин, то Пушкин высмеял жадного эксплуататора попа, образ которого полно и всесторонне разработан в бытовых сатирических сказках, широко распространенных в нашем крае и мастерски разыгрываемых тверскими сказочниками.

Близость пушкинской сказки тверским вариантам и, в первую очередь, варианту Н. С. Сидорова очевидна. Кстати, на эту близость указывают и некоторые диалектные особенности пушкинских сказок. В. И. Чернышев совсем не обнаружил на Псковщине некоторых диалектных слов, которые употреблены Пушкиным:

«...вообще в данной местности (Михайловское, Тригорское. — А. Г.) никто не знает слова «полба», которое встречается в этой сказке... и не понимают находящегося (в «Сказке о золотом петушке». — А. Г.) слова «инда» («инда плакал царь Дадон»)»¹⁴. В Калининской области, особенно в Старицком районе, широко распространено слово «инда» (анда) в смысле «даже», и в настоящее время пожилые люди употребляют его весьма активно.

Народная сказка о состязании богатыря с нечистой силой принадлежит к древнейшим образованиям. На это указывают некоторые особенности сказки, например, устойчиво сохраняющиеся мотивы поединка с медведем и состязания в свисте (ср. со свистом былинного Соловья-разбойника). В дальнейшем образ силача обогащался качествами героя бытовых сказок. На этой стадии старая сказка о состязании мужика с чертями в соответствии с законами авантюрных сказок видоизменилась и вошла в занимательнейший сюжет о ловком воре. Сказка, в таком виде распространенная в Тверской губернии, а возможно, и в Псковской (вспом-

---

¹⁴ Сказки и легенды пушкинских мест, стр. 285.

ним текст А. Н. Дворецковой), могла привлечь внимание Пушкина, особенно в том варианте, где вместо глупого барина высмеян жадный поп и где ловкий вор заменен удалым работником Балдой.

Исходя из этого, следует признать ошибочным утверждение М. К. Азадовского о пушкинской сказке как источнике народных сказок с этим сюжетом. В свое время такое предположение отверг В. И. Чернышев, исходивший из условий бытования сказки в б. Пушкинской волости, даже в этих священных местах, связанных с именем знаменитого поэта, исследователь не нашел следов влияния пушкинских сказок на сказочную культуру народа. Он писал: «Для значительного влияния текстов Пушкина на существующую здесь сказку, конечно, должна была быть в крае довольно высокая книжная культура. Она в данной местности во время моих наблюдений и записей, можно сказать, почти отсутствовала. Лучшие сказочники, с которыми мне удалось познакомиться, были люди старые, неграмотные, перенимавшие сказки друг от друга. Сказки здесь обычно не читались, а рассказывались неграмотными «сказейниками». Сказки Пушкина, как таковые, моим сказочникам были почти не известны. Поэтому опасаться значительного книжного влияния в середине 20-х годов нашего века на сказки, издавна ходившие в б. Пушкинской волости, нет достаточных оснований»¹⁵. Что же касается тверских вариантов сказки с рассмотренным сюжетом, то они, как указывалось, были записаны в местах, не просто удаленных от культурных центров, но и вообще в то время от них изолированных (Теблешский район). О влиянии пушкинских сказок здесь вообще не могло быть речи.

Итак, тверские записи народной сказки о состязании мужика с чертом могут быть доказательством достаточно широкого распространения этой сказки в нашем крае. Вполне возможно, что Пушкин слышал ее в Тверской губернии и что, работая над сказкой о попе в Болдине, поэт припоминал те варианты этой сказки, с которыми познакомился в нашем крае.

Трудно согласиться с тем, что в 1830 году Пушкин

---

¹⁵ В. И. Чернышев. Пушкин и русские сказки. Записи, стр. 284.

опирался лишь на сказку Арины Родионовны. Во-первых, у нас нет твердой уверенности в том, что сказка «Балда» была рассказана Пушкину няней. Во-вторых, если даже согласиться с версией, что сказка «Балда» записана была Пушкиным от Арины Родионовны¹⁶, то все равно невозможно поверить, что в 1830 г. Пушкин опирался на сказку, услышанную шесть лет назад (осенью 1824 года в михайловской ссылке). Ведь именно в период, предшествовавший болдинской осени, определилось то отношение Пушкина к сказочному фольклору, которое позволяло поэту глубже проникнуть в строй, мысли и чувств народа, понять особенности его мировоззрения, и «у Пушкина устанавливается взгляд на сказку как на значительное художественное создание, мало оцененное и достойное внимательного изучения»¹⁷.

Если сказка «Балда» и обратила на себя внимание поэта в 1824 году (хотя это остается недоказанным), то все равно она была усилена и обогащена новыми впечатлениями, полученными позднее. Пушкин опирался на те наблюдения над реальной действительностью, которые накоплены были поэтом в годы, предшествовавшие болдинской осени, он привлекал жизненный материал, изученный им во время пребывания и в Петербурге, и в Москве, и в Тверской губернии. Но скорее всего «Сказка о попе и работнике его Балде» была навеяна не петербургской и не московской действительностью, которая так угнетала поэта. Эту сказку мог почерпнуть Пушкин в естественной атмосфере, где сказки бытовали как явления живого художественного творчества. Сказочный фольклор Тверской губернии мог сыграть при этом весьма положительную роль.

---

¹⁶ В. Я. Пропп. Комментарий к сказке № 150. См. сборник «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (т. 1, стр. 496).

¹⁷ В. И. Чернышев. Ук. соч., стр. 282.

В. Ф. Кашкова

СВЯЗИ А. С. ПУШКИНА С ТОРЖКОМ И НОВОТОРЖСКИМ УЕЗДОМ БЫВШЕЙ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сотни больших и малых городов, деревень и деревушек упоминаются в биографии великого поэта. Каждому известны Кишинев и Одесса, Михайловское и Тригорское, Москва и Петербург и, конечно, Болдино, осененное навеки золотой, такой смятенной и волнующей осенью.

Но есть, может быть, и менее известные, но не менее интересные места, связанные с именем гениального поэта. Это Берново и Малинники, Курово-Покровское и Грузины, Старица и Торжок, находящиеся в бывшей Тверской губернии, нынешней Калининской области.

Здесь бывал Пушкин проездом, сюда приезжал не раз к своим друзьям и знакомым, здесь черпал материал для своих произведений, наблюдая многообразные явления жизни.

Отправимся мысленно «из века нынешнего в век минувший», в далекие годы прошлого столетия, в старинный русский городок Торжок!

1

Живописно раскинулся Торжок на восьми больших холмах у самой границы бывших земель Господина Великого Новгорода. Серебристая лента Тверцы рассекает город на две части — старую, Правобережье, и новую, Левобережье.

Правобережье — трудовое, торговое, шумное: три базарных площади, Торговые ряды, многочисленные купеческие лавочки, кожевенные предприятия, мельницы...

Многолюдная Торговая площадь почти смыкается с другим центром — Кузнецким мостом, который называют «сбитенным».

На каждой стороне моста — Лавки с шорными изделиями, а под мостом — харчевни, торгующие горячим сбитнем, калачами, вкусными торжокскими пряниками. От торговой площади, с каменными домами присутственных мест, часовой-ротондой, построенной по проекту Н. А. Львова, бегут, карабкаются в горы улочки с деревянными домишками, садами, огородами. И почти каждая из них начинается с церкви. Около тридцати насчитал бы их путник, въезжающий в город.

Величественно смотрится в воды Тверцы красавец Борисоглебский собор, творение Львова; увенчанный пятью куполами вырисовывается на фоне неба Преображенский собор, проект которого, по преданию, утвердил К. Росси.

Левобережье, новая часть города, возникло в XVIII веке. Из конца в конец его тянется Петербургско-Московский тракт, организующий всю жизнь этой части города: здесь размещаются почтовые станции, Путевой дворец, извозчичья биржа, постоянные дворы, гостиницы.

По утрам и вечерам над городом плывет малиновый звон колоколов. Степенно идут в церковь купцы — «отцы города» с чадами и домочадцами. Торопятся новоторжские молодницы в расшитых душегреях, в цветных платках, надетых поверх затейливых кокошников с рясками — жемчужными подвесками. Шумной ватагой проходят добрые молодцы, умеющие постоять за себя в кулачных боях. В сатиновых рубахах с вышивкой, подпоясанных поясами с кистями, они идут, небрежно накинув на одно плечо кафтан. Торопливо пробегают бедные мешаночки, чуть не до глаз закрыв платком лицо.

По вечерам купеческие сынки да дочери прогуливаются по городскому валу. Сюда же иногда приходят и проезжие господа полюбоваться видом на город.

По праздникам шумные ярмарки привлекают внимание проезжих. Самые богатые устраиваются дважды в год: Никитская — осенью, когда уберут урожай, и Крещенская — по санному пути. На Торговой площади строи-

ли десятки торговых ларьков, карусели, балаганы. Съезжались богатые торговые гости из Твери, Новгорода, Смоленска. Есть чем торговать Торжку: четыре крупных и 67 мелких кожевенных предприятий поставляют изделия из белой и черной юфти, цветного сафьяна; двадцать солодовен готовят продукт на вывоз; три крупных мельницы мелют муку; льняные заводы готовят пеньку и лен; гончары выделывают посуду.

Но любого заезжего и купца удивят своей работой мастерицы-золотошвей. Издавна славится Торжок шитьем золотой и серебряной нитью, шелком, бисером по сафьяну и бархату. Недаром знают все прибаутку: «Привези мне из Торжка два сафьянных сапожка!»

Сотни девушек и молодых женщин заняты кропотливой работой за 15—20 копеек в день. Труд страшно изнурителен. Мастерицы слепнут, болеют чахоткой. Продажа изделий сосредоточена в руках перекупщиков, во главе которых стоит кружевной «король» Алмазов. Чтобы дать товару дорогу, набить цену, устраивают купцы выставки с наемными зазывалами, которые и товар похвалят, и подторгуют вовремя.

А летом не умолкает день и ночь шум голосов на многочисленных торговых и перевальных пристанях. Баржи, барки, лодки, «соминки» и «глинки», тюки, мешки — все это заполняет пристань и причалы Торжка. Десятки каменных лобазов с мукой, зерном, солодом вытянулись в линию по правой стороне Тверцы. Наживаются, богатеют «отцы» города. Торговый водный путь от Москвы до Питера идет по Волге, Тверце, Вышневолоцко-Мариинской системе. Торжокский бечевник успевает за лето пропустить около 30 тысяч лошадей. Чуть не 8 тысяч коноводов заночует возле костров и на дешевых постоянных дворах (бойкие да богатые не для них). А их стало много в Торжке с той поры, как открылось движение по «мягкой» дороге, соединившей Москву с новой столицей. Ямщицкий промысел с начала XVIII века стал одним из доходных в Торжке. К середине XVIII века окончательно сложилась и Ямская слобода с постоянными дворами, извозчичьими «ямами», стоянками для лошадей.

Путешествие из Петербурга в Москву длилось от 3 до 7 суток. Утомительный путь ожидал того, кто ехал на «долгих», т. е. нанимал пару лошадей от места до места.

Путники, лошади нуждались в длительном и хорошем отдыхе.

Чаще всего по Московской дороге ездили на перекладных, или на почтовых. Так назывались казенные лошади, которых меняли на каждой станции, именуемой почтовой. Желавший ехать на почтовых должен был получить подорожную, в которой указывалось: маршрут, должность, фамилия ехавшего, по своей или казенной надобности он едет, каких лошадей ему следовало дать (почтовых или курьерских), число лошадей. За почтовых лошадей взимались деньги, прогоны, установленные за каждую лошадь и версту. Проезд по Московскому тракту был самым дорогим: верста стоила 10 копеек.

Особым распоряжением было установлено количество лошадей, на которое имел право путник. Все зависело от чина и класса. Так титулярный советник, чиновник 13 класса, имел право только на три лошади, которые впрягались в его экипаж; особы 1 класса могли получить до 20 лошадей. И жители ямских слобод уже по тому, сколько лошадей запряжено в экипаж, знали, что за человек едет.

С 1820 года по Московской дороге стали ездить дилижансы. Они ходили по определенным дням, весь путь должны были делать за 4—5 дней. На места в них занимали очередь, подыскивали попутчиков. Проезд от Петербурга до Москвы стоил 100 рублей. В дилижансе могло уместиться 4—5 человек. Отдыхали путники на почтовых станциях, где станционный смотритель проверял подорожные, получал дрогины и отпускал лошадей, которых обычно не хватало, из-за чего возникали неминуемые ссоры.

Предприимчивые купцы, разбогатевшие ямщики быстро научились учитывать неудобства такого отдыха. Стали строить гостиницы, где путник мог отдохнуть в отдельной комнате или номере на 2—3 человека, отведать приготовлений местной кухни, развлечься чтением. В старинных путеводителях, дорожниках, обычно указывалось, чем славится та или иная гостиница.

Из двух гостиниц, имевшихся в Торжке в 20—30 годы XIX века, наиболее популярной была гостиница Пожарского, построенная на шоссе. Она была расположена недалеко от Ямщицкой биржи и почтовой станции, на

Ямской улице. Ни один более или менее состоятельный путник не мог миновать ее: надобно было менять лошадей, пробежавших без отдыха почти 50 верст, а следующая почтовая станция находилась в Твери.

Владелицей гостиницы в 20—30 годы была Дарья Евдокимовна Пожарская, жена разбогатевшего ямщика, ловкая, речистая и красивая женщина.

«В то цветущее для Торжка время существовало две очень хороших гостиницы, из которых одна, принадлежавшая ямщицке Пожарской, пользовалась повсеместно известностью, благодаря своим котлетам особого приготовления. Сама Дарья Евдокимовна Пожарская была замечательна не менее своих котлет: простая, но хитрая ямщицка, она под видом простоты умела втираться в милость к проезжим вельможам и пользовалась их благосклонностью. Это придавало ей значение и вес в Торжке», — так говорится о гостинице Пожарского в «Памятной книжке Тверской губернии на 1865 г.»¹.

М. Говорят, будто хозяйка угодила самому князю П. Я. Волконскому, царскому министру, и тот вызвал ее в Петербург. А там красавице ямщицке высочайше было дозволено удивить пожарскими котлетами монаршую чету. Завтрак был принят благосклонно, Пожарская обласкана. И это так пришлось по душе княгине Волконской, что ей захотелось, чтобы эта сильная, здоровая, статная женщина стала приемницей ее сына Григория. И вот Пожарская предстала перед императором и императрицей, крестной матерью, с маленьким князем на руках. Императрица пожелала иметь портрет крестника на руках у няни. Портрет был выполнен придворным художником Т. А. Нефф. На портрете — черноволосая, круглолицая женщина, держащая ребенка. Голова ее покрыта легким, прозрачным шарфом, волосы уложены на пробор. Выражение лица мягкое, женственное.

(Копия с портрета Неффа, подаренная Пожарской, висела в одной из комнат гостиницы и служила своеобразной рекламой этого путевого приюта. В настоящий момент она находится в Торжокском музее А. С. Пушкина).

Гостиница Пожарских была удобна тем, что на втором этаже путники могли хорошо отдохнуть, а внизу, на

¹ Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь, 1865, стр. 103.

первом этаже, вкусно пообедать. В вестибюле располагалась лавочка купца, торговавшего изделиями золотойшей, иногда там устраивались и выставки этих изделий.

Перед гостиницей лотошники торговали пряниками, орехами; торговки сбывали изделия кустарей-башмачников; извозчики предлагали свои услуги. Гостиница становилась своеобразным центром жизни города.

В ней останавливались многие замечательные люди России: Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и др. Судьба свела здесь двух декабристов — Петра Муханова и Петра Зубкова, препровождаемых на допрос.

Двадцать три раза провел здесь ночь А. С. Пушкин, совершая поездки из Петербурга в Москву и обратно. И этот старый дом со световыми окнами-фонариками, лепными карнизами стал для поэта не только временным приютом, но и знакомым кровом, где его знали, готовы были услужить, сказать доброе слово. Да и сам древний Торжок привлекал поэта и своей богатой историей и живописным бытом, и колоритным обликом, и возможностью встретиться с добрыми знакомыми.

Перечитываешь пушкинские письма, стихи, черновики... и часто встречаешь знакомые имена, названия, фамилии: «А. С. Пушкину, в Торжок», «писано в Торжке», «Новоторжск», «новоторжская молва», «Пожарские», «Оленины», «Вульфы», «Полторацкие»...

Полтора века назад пушкинская рука вывела эти слова. Какая-то кровная ниточка связала наш маленький город с жизнью великого поэта. Отсюда писал он письма, здесь от души наслаждался кулинарным искусством Дарьи Пожарской, ходил в гости к своим знакомым Олениным, Вульфам, заезжал в имение Полторацких Грузины, что в 14 верстах от Торжка по Старицкому тракту.

Попробуем проследить, каким же образом торжокские впечатления вошли в огромный мир жизни поэта.

2.

В июне 1811 года от Тверской заставы Москвы отъехала коляска, запряженная тройкой лошадей. В ней сидели двое. Это был Василий Львович Пушкин с племянником Александром, которого решено было определить в Цар-

скосельский лицей. На вторые сутки пути подъезжали они к Торжку. Для ночлега выбрали гостиницу Пожарского.

Возможно, на другой день, ожидая лошадей, и решил дядюшка показать любимому племяннику городок, который был славен своим живописным видом, великолепными постройками Н. А. Львова — знаконца Василия Львовича по Петербургу. И кто знает, может быть, и привлекли внимание мальчика и торговые ряды, и купеческие лавочки с незатейливыми вывесками, как например, такая: «Евгений Онегин — булочных и портновских дел мастер». Был в те годы на Ямской дом купца Онегина, основателя богатого «дела» Онегиных.

Возможно, чуткое ухо будущего поэта и запечатлело гармонию звуков в сочетании Евгений Онегин, а острый глаз схватил графически четкую надпись вывески. И не вспомнилось ли это все потом, спустя 10 лет, в степях Молдавии, когда поэт давал права на жизнь своему беспокойному герою? Пройдет около полутора столетий, и новоторжцы будут доказывать, что именно у них, в Торжке, Пушкин нашел имя своему герою. Страстный краевед А. А. Суслов, автор книг о Торжке, рассказывает, что он, будучи мальчиком, встречал Николая Евгеньевича Онегина, именитого торжокского купца, владельца бань, булочных и портняжных заведений. С тех пор прошли десятилетия. Ушел в прошлое род Онегина. А на старом Пустыньском кладбище, возле развалин церкви, можно отыскать могилу в старинной железной ограде. На ней — массивный памятник из розового мрамора. На надгробии надпись:

*Николай Евгеньевич Онегин.
Скончался 30 марта 1910 года.
В 12 часов дня.
Жития его было 70 лет.*

Здесь же похоронена и его жена.

Но если время сохранило нам такое неопровержимое доказательство, как надгробие над семейной могилой с именем Н. Е. Онегина, значит, был в Торжке Евгений Онегин. Простой арифметический подсчет: сын родился в 1840 году, значит, отец был современником поэта.

Мирный мещанин, прах которого покоится на старом погосте, знал ли он, что его имя понесет беспокойный пушкинский герой через века?

Совсем при других обстоятельствах посетил А. С. Пушкин Торжок в 1826 году.

3 сентября в Михайловское прибыл нарочный, который должен был сопровождать Пушкина в Псков. Оттуда надлежало ему по высочайшему повелению срочно прибыть в Москву, к самому царю.

4 сентября Пушкин послал с дороги письмо П. А. Осиповой-Вульф, в Тригорское:

«Я предполагаю, что мой отъезд с фельдъегерем поразил вас так же, как и меня. Вот факт, что у нас ничего не делается без фельдъегеря, мне его дали также для большей безопасности...»²

Долгожданная возможность покинуть Михайловское оказалась неожиданностью. События декабря 1825 года вовлекли Пушкина в орбиту тягостных размышлений о судьбе друзей-декабристов, о последствиях, которые могут ждать его, опального поэта.

И вот теперь, без промедления, в сопровождении строгого стража, «но не в виде арестанта», везут его в канцелярию барона Дибича, а там, видно, и во дворец...

6 сентября фельдъегерский экипаж был в Торжке. Короткий, спешный отдых — и на Москву. Бойкие курьерские кони покрывали по 100 верст в день, но не веселила дорога.

Что ждет его впереди?

Мимо проносятся печальные деревушки, жалкие постоялые дворы, убогие избенки... Тосклива ты, матушка Русь!

«Тоска! Тоска!» — вырвется у Пушкина из-под пера через три года. Вот этой же дорогой поскачет, «убив на поединке друга», в поисках успокоения для больной души его Онегин:

*Тоска! Тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь...*

Утром 8 сентября Пушкин был привезен в Москву и доставлен в Чудов дворец, где жило тогда «августейшее» семейство. Высочайшая аудиенция длилась в течение по-

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. X. М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 212.

лучаса — а монаршья «милость» до гроба будет преследовать поэта: царь сам стал цензором Пушкина.

Почти месяц провел он в Москве с друзьями. Москва оказала ему такое внимание, какого не видел еще ни один поэт России. Россия мыслящая увидела, наконец, в Пушкине своего поэта. Но приходит время расставаться...

2 ноября 1826 года Пушкин выехал из Москвы и вечером 3 ноября прибыл в Торжок. Опять по старым следам: в угловой комнате с окном-фонариком славной гостиницы Пожарского отвели ему место для ночлега. Спустя вниз, Пушкин узнал, что при гостинице открылась выставка-распродажа изделий золотошвей и кружевниц. Восхищенный изящной работой, он купил два женских пояса, шитых или затканых золотом, с шелковыми кистями. Вот и славный подарок княгине Вере Федоровне Вяземской, ко дню именин, хоть и с опозданием. Готово письмо и посылка для княгини:

«3 ноября 1826 года. Из Торжка в Москву.

Спешу, княгиня, послать вам поясы. Вы видите, что представляется мне прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и тому подобное... Что сказать вам о моем путешествии? Оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и несносных ямщиков. Толчки, удары локтями и прочее очень беспокоит двух моих спутников, — я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда приходится путешествовать совместно, необходимо кое-что прощать друг другу...»³.

Через несколько дней Пушкин был уже в своем Михайловском, на берегах Сороти. 9 ноября, в день возвращения, Александр Сергеевич пишет Вяземскому:

«Вот я и в деревне. Доехал благополучно, без всяких замечательных пассажей... Деревня мне пришлась как-то по сердцу. Есть какое-то поэтическое наслаждение возвратиться вольным в покинутую тюрьму. ...Получила ли княгиня поясы и письмо мое из Торжка?.. Ах! каламбур: скажите княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы...»⁴.

Второе послание обращено к другу, Сергею Александровичу Соболевскому:

---

³ Там же, стр. 789.

⁴ Там же, стр. 216—217.

«Мой милый Соболевский — я снова в моей избе. Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных. Дорогою бранил тебя немилосердно, но в доказательство дружбы (сего священного чувства) посылаю тебе мой маршрут до Новгорода. Это будет тебе инструкция. Во-первых, запасись вином, ибо порядочного нигде не найдешь. Потом

*У Гальяни иль Кальони
Закажи себе в Твери
С пармезаном макарони
Да яичницу свари.
На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке...»⁵*

Письмо-шутка заканчивается благими советами, как занять себя в дороге.

А теперь, спустя сто сорок пять лет, строфа из этого веселого послания красуется на мемориальной доске, укрепленной на здании бывшей гостиницы Пожарского еще в 1937 году, в дни пушкинского юбилея. И теперь каждый, подходя к зданию клуба железнодорожников, читает на доске с силуэтом Пушкина: «На досуге отобедай у Пожарского в Торжке...»

В дни 50-летия Советской власти на этом здании появилась вторая мемориальная доска, свидетельствующая о том, что здесь была впервые провозглашена Советская власть в Торжке в 1917 году.

Пушкинский приют стал еще и штабом революции.

Весь 1827 и 1828 годы Пушкин проводит в разъездах: Москва — Петербург — Михайловское — Петербург — Малинники.

Из Петербурга, «города пышного и бедного», часто пишет он своему доброму другу П. А. Осиповой. Одно из писем, от 24 января 1828 г., он направляет в Тригорское для пересылки в Тверскую губернию, где со своими детьми гостила Осипова. В письме Пушкин сообщает ей, что А. Дельвиг с женой собирается в Харьков и по пути думает навестить семейство Осиповых-Вульф. Заканчивается письмо шутивным вопросом:

---

⁵ Там же, стр. 215.

«...Довольна ль м-ль Евпраксия своим пребыванием в Торжке? И много ли она одерживает побед?»⁶.

Юная Зизи веселится на рождественских праздниках в Торжке у дяди, Павла Ивановича Вульфа, бывает у своих родственников Полторацких и Львовых. В городе квартирует уланский полк. Много музыки, рождественских забав... Все это хорошо известно поэту. Он в курсе маленьких радостей знакомого семейства.

Весной и летом 1828 года Пушкин часто бывает в доме Алексея Николаевича Оленина, где впервые его приняли и обласкали юношей, и вот теперь он пришел сюда известным поэтом.

В доме у «тысячеискусника», как называли иногда А. Н. Оленина, собирался цвет Петербурга: И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, М. И. Глинка, А. Мицкевич, художники Доу и Орест Кипренский, многочисленные родственники Олениных — Полторацкие, среди них — Александр и Алексей, знакомые поэту еще по Килинскому.

Споры о литературе, музыкальные вечера, философские диспуты, остроты П. А. Вяземского, дивное пение сестер Олениных — все это создавало ощущение простоты, свободы, веселило беззаботной шуткой, иногда направленной солью светской злости.

Дом Олениных становится Пушкину вдвойне дорогим оттого, что он испытывает сильное, непривычное для него чувство к Анне Алексеевне, младшей дочери Алексея Николаевича, девятнадцатилетней красавице, талантливой и чуть высокомерной. Пушкин просит ее руки и получает отказ.

Судьба ль опального поэта, проникнувшая ли в свет история романтической влюбленности в А. П. Керн — кузину Аннеты Олениной, нелюбовь ли Олениной, что тут было причиной?

Пушкин глубоко переживает отказ, не знает, чем себя занять. В июле 1828 года он часто бывает у Сергея Дмитриевича Полторацкого, двоюродного брата А. А. Олениной, большого любителя старинных рукописей, редких книг, известного в Петербурге библиофила. Вечера проводят за шумными беседами, чтением стихов и картами. Осенью многие из приятелей уезжают. В пись-

---

⁶ Там же, стр. 793.

ме к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 года поэт жалуется на одиночество:

«...Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал жизнь, воспетую мною таким образом:

А в ненастные дни собирались они часто

И выигрывали, и отписывали мелом,

Так в ненастные дни занимались они делом...

А теперь мы все разбрелись...

Я пустился в свет, потому что бесприютен (игра слов: Приютино — пригородное имение Олениных. — В. К.)

Ты зовешь меня в Пензу, а я того и гляди, что поеду далее...

Прямо на восток.

Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла, наконец, «Гавриилиада»; приписывают ее мне, донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы...»⁷

«Преглупая шутка» могла стоять новой ссылкой. Пушкин пытается отказаться от авторства, попросту уехать подальше, куда-нибудь к театру военных действий, в Париж, наконец. Но разрешения не дано.

«Пушкина не с чем поздравить: после долгих проволок ему отказали в просьбе ехать свидетелем войны, только об этом и просил. С горя просился он хоть в Париж, и тут ему отказали.

Матушка Россия, как настоящая матушка, не спускает глаз с детей своих и при каждом случае дает почувствовать, что матерняя лапа ее так и лежит у нас на плече», — пишет осенью 1828 года П. А. Вяземский Г. А. Римскому-Корсакову⁸.

В смятении чувств, испытавший горечь неудачи, предчувствуя новую грозу, опять находит Пушкин некоторое успокоение в семье Осиповых-Вульф. Прасковья Александровна собирается в Малинники, в свое тверское поместье, доставшееся ее сыну Алексею после первого мужа — Николая Ивановича Вульфа.

⁷ Там же, стр. 250.

⁸ ЦГАОР, ф. 109, 1 экспедиция III отделения, 1828, № 506, ч. II, л. 5.

От всей души приглашает она расстроенного Пушкина с собой. 25 сентября 1828 года поэт провожает Осиповых в дорогу, дав твердое обещание приехать в Тверскую губернию.

Темной октябрьской ночью, с 19 на 20 октября 1828 года, Пушкин выезжает в Малинники. Поздним вечером 22 октября он прибывает в Торжок и проводит ночь с 22 на 23 октября в гостинице Пожарского. На другой день поэт отправляется в Малинники. Пушкину предстояло проехать 50 верст по проселочному тракту, минуя по дороге Грузины, имение Полторацких, с которыми он так сблизился в Петербурге.

3.

Приезд Пушкина в Малинники внес разнообразие в деревенскую жизнь, развеял скуку обитателей вульфовских поместий. Шутки и нехитрые сельские развлечения, охоту и шахматы поэт чередует с работой. Пушкин старается держать крепкую и постоянную связь с Петербургом, с журналами, где печатаются его произведения. Вся переписка поэта идет через Торжок по адресу:

«А. С. Пушкину, Тверской губернии, в Торжок».

Посредниками в переписке могли быть торжокские Вульффы и Полторацкие, Львовы. А. Дельвиг ведет переписку с Пушкиным как друг и редактор альманаха «Северные цветы». Как друг, он не может не передать тех слухов, которые ходят в Петербурге:

«Два письма со стихами от тебя получил, друг Пушкин, и скажу тебе, что несмотря на мое красноречие, город Петербург полагает отсутствие твое не бесцельным.

Первый голос сомневается, точно ли ты без нужды уехал, не проигрыш ли какой был причиной, вторые утверждают, что ты для материалов 7 главы «Онегина» отправился, а третьи утверждают, что ты остепенился и в Торжке думаешь жениться, четвертые догадываются, что ты составляешь авангард Олениных, которые собираются в Москву...»⁹. В этом полусерьезном-полушутливом послании Дельвиг не случайно связывает фамилию Олениных с Торжком.

---

⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XIV. М., АН СССР, 1948, стр. 36.

Каждый раз, совершая поездку в Москву, Оленины останавливаются в Торжке, у своих родственников Львовых на Ямской. Здесь жила двоюродная сестра Елизаветы Марковны Олениной Татьяна Петровна Полторацкая, бывшая замужем за Сергеем Дмитриевичем Львовым. Татьяна Петровна находилась в большой дружбе с Елизаветой Марковной, часто гостила у нее в Петербурге, где с нею, по всей вероятности, и познакомился Пушкин. И вот теперь в Торжке у него появился радушно-гостеприимный дом, где он мог бывать во время своих коротких остановок в пути.

Очевидно, Львовы действительно ждали Олениных в гости, так как в январе семейство Олениных было уже в Москве. Об этом свидетельствует письмо Пушкину от Вяземского:

«...А мы, т. е. я и Боратынский, танцевали в Москве с Олениной, и, кажется, у них были элегические выходы...»

Письмо послано 23 февраля 1829 года из Мещерского, имения Вяземского, но говорится в нем о январских событиях.

16 января 1829 года закончилось первое пребывание Пушкина в Бернове и Малинниках. Рано утром он покинул гостеприимный кров и к вечеру приехал в Торжок. Вместе с ним спешил в Петербург А. Вульф.

На сей раз, вероятно, поэт ночевал не у Пожарских, а у родственников Вульфа, на Ямской, у Львовых.

На другой день пути обсуждается «новоторжская молва» — друзья продолжают разговор, начатый вечером в Торжке. Говорят о литературе, политике, женщинах, вспоминают старицких «прелестниц», веселые застольные шутки...

Возле Ижор приходит в голову написать стихотворение — общее послание Катеньке Вельяшевой, и Пушкин с А. Вульфom, соревнуясь, начинают набрасывать шуточные стихи. Пройдет день-другой, и поэт вернется к этим дорожным наброскам и долго будет искать недававшуюся строку...

Пожелтевшие от времени черновики. Стремительные линии зачеркиваний, поправки...

*...Хоть меня повесой славит
Новоторжская молва...*

Не то!

*...Хоть молва Ловласом славит
В Новоторжске и в ...*

Опять не то!

И, наконец, вот она, шутливо-игривая строка:

*...Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской...*

Прощай, Торжок! Ушел из стихов. Осталось только обещание вернуться «по прежнему следу» в наши «мирные края».

Пройдет время, и «Милая Гретхен» — Катенька Вельяшева — получит стихи, посвященные ей первым российским поэтом. Стихи будут прочитаны всеми родственниками, переписаны кузинами, а Павел Иванович Вульф, ее дядюшка, даже «поправит» вторую и третью строки, как потом напишет А. С. Пушкин А. Вульфу в ноябре 1829 года:

«...Павел Иванович стихотворствует с отличным успехом. На днях он исправил наши общие стихи следующим образом:

*Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза...*

Не правда ли, что это очень мило»¹⁰.

В письме приписка А. Н. Вульф, сестры Алексея Вульфа:

«...Слышал ли ты новость литературную? А это оттого, что неловко сложено было».

В собрание сочинений А. С. Пушкина стихотворение «Подъезжая под Ижоры» включается с «поправкой» П. И. Вульфа.

В начале 1829 года Пушкин принимает решение поехать на Кавказ, в действующую армию. Решение было

---

¹⁰ Там же, стр. 261.

принято не сразу, но окончательно: поэт намеревался уехать самовольно, без высочайшего разрешения, он понимал, что это может грозить ему осложнениями.

Отъезд из Петербурга он назначил на 9 марта. Предстояло опять проехать по знакомой дороге.

До недавнего времени считали, что в марте 1829 года Пушкин проехал по Московскому тракту, не отклоняясь в сторону, не делая никаких заездов. Но вот в 1962 году в печати промелькнуло сообщение: найдены неизвестные автографы Пушкина среди книг, принадлежавших Алексею Алексеевичу Раменскому, одному из славной династии народных учителей. Автограф Пушкина был найден на книге Вальтера Скотта «Айвенго» в селе Мологино бывшего Старицкого уезда Тверской губернии.

Что же представляет из себя автограф Пушкина? Прежде всего — на книге дарственная надпись: «А. А. Раменскому». И подпись: «Александр Пушкин». Затем знакомый по другим вариантам рисунок — виселица с пятью повешенными. Тщательно зачеркнутый отрывок из 10, в последствии сожженной, главы «Евгения Онегина»:

*Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян...*

И еще четыре строчки написал Пушкин на этой книге:

*Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора,
Уйти опять в пустынные дубровы
На берега сих молчаливых вод.*

Это строфа из стихотворения 1826 года, которое считают одним из набросков к неоконченной драме «Русалка».

На чистом пространстве 182-ой страницы книги, там, где кончалась 1 часть, чьей-то рукой был набросан маршрут пути: от Санкт-Петербурга линия шла на Новгород, потом устремлялась к Торжку, от Торжка вправо — стрелка и надпись: «К Полторацкому...», и как бы наизнан на острие стрелки рисунок села с миниатюрной церковью. Рядом подпись «Груз...» На титульном листе — полустершаяся дата: «8... ма... 1829 года».

Вот и все, что было на книге. И десятки вопросов встали тогда перед учеными-пушкинистами. Точно ли это автограф Пушкина? Как и когда книга попала к Раменскому? Был ли Пушкин в Грузинах?

С. М. Бонди, Т. Г. Цявловская и М. Я. Лебедева проделали огромную работу, и теперь точно установлено: да, это автограф Пушкина. Но остальное во многом остается в области предположений, хотя ряд обстоятельств говорит за то, что Пушкин побывал в Грузинах в марте 1829 г.

Прежде всего следует учесть, что со многими из Полторацких поэт был хорошо знаком и даже дружен. Род Полторацких, очень многочисленный, представлял из себя пример новой знати, вошедшей в силу «по случаю». Основателем имения Грузины был Марк Федорович Полторацкий, сын соборного протоиерея города Сосновицы Черниговской губернии. В свое время он учился в Киевской бурсе и пел в церковном хоре. Там его и услышал граф Разумовский, большой любитель церковного пения, привез в Петербург и определил в придворную певческую капеллу.

Красивая внешность и отличный голос, умение выслужиться скоро сделали свое дело: Полторацкий сделался придворным императрицы Елизаветы Петровны и пользовался ее милостями.

Среди насмешливых анекдотов, записанных Пушкиным, есть такой: «Н. Н., вышедший из певчих в действительные статские советники, был недоволен обхождением князя Потемкина. «Хиба вин не тямит того, — говорил он на своем наречии, — що я такой еднорал, як вин сам».

Это пересказали Потемкину, который ему при встрече сказал: «Что ты врешь? какой ты генерал? ты генерал-бас».

Иронические строки, относящиеся к карьере «высочки-хохла», можно найти и в пушкинской «Моей родословной»:

*Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князя не прыгал из хохлов...¹¹*

¹¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. III. М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 208.

«Милости» Елизаветы Петровны были весьма реально ошутимы: она подарила Полторацкому обширные владения, в том числе и в Тверской губернии, возле Торжка. Из состава этих земель смогли получить наделы даже братья Марка Федоровича.

Женился М. Ф. Полторацкий на Агафоклее Александровне Шишковой, умной, красивой, но жестоко-властной женщине. От этого брака было 22 человека детей. Любопытные воспоминания о своей бабке оставила А. П. Керн:

«Она была красавица и, хотя не умела ни читать, ни писать, но была так распорядительна, что, владея 4 тысячами душ, многими откупами, винокуренными заводами, вела свои дела без управляющего, через старост, которых назначала из одной деревни в другую, отдаленную, где не было у них родных, и часто их переводила и меняла. Она была строга и даже жестока...

Когда она была недовольна кем-либо из ее детей, то так забывалась в гневе, что называла Пугачовым и часто проклинала...»¹².

В 1795 году Полторацкий скончался. Управление всеми делами взяла на себя Агафоклея Александровна. Ею было продолжено строительство в Грузинах. Дом-дворец, по преданию, был построен Растрелли в конце XVIII века, а боковые пристройки, деревню «из двадцати связей» каменных домов построил в 20-е годы архитектор Стасов, близкий к семейству Полторацких.

Еще будучи молодым архитектором, он сдружился с дочерью П. К. Хлебникова, видного петербургского сенатора, Анной Петровной, впоследствии вышедшей замуж за Дмитрия Марковича Полторацкого. «Дмитрий Маркович был весьма образованный человек..., дружил с Н. А. Львовым, Н. М. Карамзиным. С ними он познакомил и Стасова»¹³.

Когда речь зашла о расширении дома, Дмитрий Маркович предложил матери пригласить для этой цели талантливого архитектора. Скуповатая Агафоклея Александровна, жалея деньги, однако понимала, что ее дом-дворец должен попасть в руки хорошего архитектора. Так Стасов оказался в Грузинах.

---

¹² А. П. Керн. Воспоминания. Л., «Academia», 1929, стр. 27—28.

¹³ В. И. Пилевский. Стасов — архитектор. Л., 1963.

Дети Агафоклеи Полторацкой выросли в атмосфере властной жестокости и богатства. Среди них были и талантливые, широко образованные люди, и чванливые чиновники, и спесивые аристократы.

С почтением относился Пушкин к Елизавете Марковне, жене А. Н. Оленина. Это ей, «добрейшей Элизе», ангелу-хранителю «парголовской мызы», посвящали стихи И. А. Крылов, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин.

Одним из близких знакомцев Пушкина стал Петр Маркович, отец Анны Петровны.

Все посвящения Анне Петровне хорошо известны. А вот стихи, вписанные в альбом Е. Полторацкой:

*Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног
В тени украинских черешен.*

(III, 104)

Это шуточный поэтический набросок, но сколько за этой альбомной шуткой горькой истины!

С другими из Полторацких Пушкин не был так близок, хотя и поддерживал светское знакомство.

По Петербургу ему была хорошо известна Агафоклея Марковна, жена сенатора Сухарева, председательница женского попечительства о тюрьмах и петербургского патриотического общества. Как пишет о ней Щепкина-Куперник в книге «История женской личности», «она отличалась совершенно мужской энергией и инициативой».

Интерес поэта мог вызвать и Константин Маркович Полторацкий, боевой генерал, участник войны 1812 года, которому довелось быть собеседником Наполеона и другом прославленного Ермолова. В 30-е годы он стал владельцем Грузии.

Дружен был Пушкин и с Александром Полторацким, познакомившим его в доме Олениных с А. П. Керн. Впоследствии он стал мужем Екатерины Павловны Бакуниной, в которую был когда-то влюблен лицеист Пушкин.

Поэт сблизился с ним в Кишиневе. Там же он познакомился и с Алексеем Полторацким, но отношения с ним были у него очень неровными, иногда переходящими в ссору, вызываемую крайней болтливостью, несдержанностью и бреттерством, присущими Полторацкому.

Но ближе всех к Пушкину был Сергей Дмитриевич Полторацкий, унаследовавший от отца страстную любовь к чтению, к собиранию древних и редких книг. В пушкинских письмах рассыпаны замечания о том, что он часто встречается с Сергеем Дмитриевичем за карточным столом. Но их знакомство не ограничивалось только этим. Сергей Дмитриевич был горячим почитателем таланта Пушкина, чуть ли не первым из серьезных исследователей его творчества. Он много сделал для сохранения творческого наследия поэта: собирал черновики, воспроизводил подлинники, исправлял неудачные публикации, занимался библиографией критических статей о творчестве Пушкина, пропагандировал творчество поэта еще в 20-е годы. «Став деятельным сотрудником «Московского телеграфа», Полторацкий продолжает пропагандировать творчество Пушкина на страницах журнала Полевого. Уже в это время он начинает собирать рукописи Пушкина: в его архиве в ГБЛ сохранилась обложка с пометкой его рукой: «Собственноручные рукописи А. Пушкина»...»¹⁴

Особенно много занимается вопросами сохранения пушкинского наследия С. Д. Полторацкий в 60—70-е годы XIX века.

Итак, дом Полторацких для Пушкина был далеко не чужим. Но почему именно тогда туда заезжал Пушкин?

Возможно, в это время гостил у брата Петр Маркович с дочерью Лизой. А может быть, вместе с поэтом в Грузины заезжал Сергей Дмитриевич? Не его ли рукой набросана схема маршрута? Во всяком случае, в марте 1829 года Сергей Дмитриевич находился в Москве. Об этом говорит сохранившаяся среди писем Пушкина записка Сергею Дмитриевичу, всего одна строка, но очень дружески написанная:

«25 марта, 1829 года, Москва.

Ты совершенно забыл меня, мой милый!»¹⁵

Адрес прост: «Сергею Дмитриевичу Полторацкому». Значит, записка была послана с нарочным, возможно, со слугой. Полторацкий тоже в Москве.

---

¹⁴ В. В. Крамер. С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина. — В кн.: Временник пушкинской комиссии. Л., 1970, стр. 58—76.

¹⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. X. М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 258.

А может быть, и не Полторацкие привлекли внимание Пушкина, а кто-то другой? Кто? Но ведь книга подарена А. А. Раменскому. Остается предположить, что именно в Грузинах состоялась встреча поэта со старым знакомцем.

В семействе Раменских из поколения в поколение передавалось предание о дружбе великого поэта и замечательного учителя. Говорили, что Алексей Алексеевич Раменский дал Пушкину сюжет «Русалки»: рассказал при встрече историю о бедной девушке — дочери берновского мельника, утопившейся в омуте. Знакомство Пушкина и Раменского могло состояться при посредстве Н. М. Карамзина, который очень высоко ценил этого мологинского учителя, не раз встречался с ним в Петербурге, Твери и даже Торжке. Раменский был человеком большой культуры и щедрого сердца. По просьбе историка Карамзина он объезжал соседние села, выписывал из монастырских летописей сведения, связанные с историей Тверского княжества. За помощь в работе Карамзин дарил ему и свои книги, и свое внимание, широко открывал перед ним двери петербургского дома. У Карамзиных и мог встретить Пушкин этого интересного человека. И тот поведал ему легенду о несчастной любви.

А в марте 1829 года под сводами старинного замка Полторацких могла состояться другая встреча с Раменским, гостем в имении или домашним учителем при детях Павла Марковича. В эту встречу и мог Пушкин подарить ему книгу с автографом. Встреча была приятной, хотелось что-то оставить на память, но ничего другого, кроме романа Вальтера Скотта, под рукой не было. Может, именно там, в Грузинах, Пушкин и добавил к дорожным заметкам, сделанным на книге, строфу из начатой «Русалки». Это могло быть знаком особого внимания и признательности. Раменские хранили семейное предание, будто поэт вместе с Алексеем Алексеевичем посещал не раз берновский омут осенью 1828 и 1829 годов и будто потом прислал книжку своих стихов. Существование такой книжки подтверждается только письмом старого симбирского учителя Егора Пастухова, большого друга сына Алексея Алексеевича, которое он прислал внуку его Антонину Аркадьевичу Раменскому в 1936 году. «...А книгу А. С. Пушкина с дарственной надписью вашему прадеду в память о посещении Бернова, где описана мель-

ница в «Русалке», выпросили пионеры в местный музей (т. е. в ульяновский. — В. К.)».

В Ульяновске провел свои последние годы дед Антонина Аркадьевича, Николай Пахомович. След этого пушкинского дара не найден.

В июне 1971 года в газете «Вечерняя Москва» появилась заметка «Здесь бывал Пушкин», рассказывающая еще об одной встрече Пушкина с Раменским в 1833 году в селе Мологине Старицкого уезда. Об этом говорит запись, сделанная на первом томе книги Н. М. Карамзина «История государства Российского»: «Сия история государства Российского, сочинение Николая Михайловича Карамзина, драгоценный дар вдовы его Екатерины Андреевны с письмом ее учителю Алексею Алексеевичу Раменскому. Первые томы были любезно доставлены в Мологино великим пиитом Российским Александром Сергеевичем Пушкиным проездом из Санкт-Петербурга августа 22 дня 1833 года, и был сей день праздником семьи нашей. Остальные томы высылал издатель оных Смирдин.

Учитель Берновской экономии Александр Раменский июня 9 дня 1837 года. С. Мологино»¹⁶.

До сих пор этот факт биографии Пушкина был не известен.

В этой же заметке говорится о том, что в 1821 году Н. М. Карамзин встречался с А. А. Раменским в Торжке и в память об этом подарил ему шеститомное собрание своих сочинений с дарственной надписью.

Это еще одно доказательство той связи, которая могла возникнуть между Пушкиным и Раменским при посредстве Карамзина задолго до того момента, как поэт впервые посетил Берново и Грузины.

История отношений Пушкина и Раменского во многом еще остается загадкой.

Но нас волнует то любовно-бережное отношение, чуткое внимание, по-человечески искренний интерес, который проявлял великий русский поэт к людям из народа. Среди них — тверской учитель Раменский, крепостные крестьяне Вульфов, крепостная девушка-певунья Дуня Прокофьева, пленявшая поэта своим исполнением народ-

---

¹⁶ Н. Дилигенская. Здесь бывал Пушкин. Газета «Вечерняя Москва», 1971, 2 июня.

ных песен в период его пребывания в Павловском; и наконец — чудо-самоучка из Торжка Ветошкин-Свешников, вызвавший не только удивление, но и восхищение А. С. Пушкина.

Среди забавных «анекдотов», услышанных у графини Н. Загряжской, Пушкин подробно запишет историю об удивительном торговце из Торжка, достигшем поразительной учености¹⁷.

Не только Пушкина заинтересовала личность ученого из народа. Его друг Федор Глинка в книге «Письма русского офицера» в главе «Русский крестьянин-философ Свешников» пишет о величии научного подвига Ломоносова и Волоскова, сравнивая с ними Свешникова:

«...Достоинство и дарование, возникшее в бедности, должны пробиваться сквозь железную стену предрассудков и отличий общественных, однако опыт доказывает, что рано или поздно преодолевает оно все препоны и пролагает себе путь к известности... И. Е. Свешников, едва кому известный, достоин занимать место в ряду отличнейших мужей отечества нашего. Природа, производящая необыкновенных людей, кажется, при самом рождении, посеяла в нем семена великих дарований...» Сын зажиточного крестьянина, торговавшего хлебом, сам человек труда, долгими неделями переправлявший хлеб на барже в любую погоду из Торжка в Петербург, Свешников самостоятельно овладел латынью, греческим, французским языками, имел обширные познания в математике, астрономии, географии и других науках. Двух учителей знал он: бедного священника и бедного семинариста. Его большими учителями стали Жизнь и человеческая ненасытность в познании.

Покровительство графа Шувалова не спасло гордого человека от унижений. На него смотрели, как на «чудо». Директор Академии Наук Е. Р. Дашкова соизволила даже устроить прием в честь Свешникова, пригласила посмотреть на него русскую и иностранную знать, великодушно предложила место в Академии Наук, почетное место для крестьянина, но он от него отказался: «Не о почестях думать тому, у кого на руках целое семейство.

---

¹⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. VIII. М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 112—113.

Я учусь для забавы, а трудиться должен для пользы кровных своих...»¹⁸

Россия Дашковой не могла и не хотела обеспечить второму Ломоносову возможность жить и работать, не думая каждый миг о копейке. Опять понадобился благодетель. Таким оказался сиятельный Потемкин. Он пригласил Свешникова в Таврическую губернию, обещая в его отсутствие содержать семейство. Но по дороге на юг Свешников заболел горячкой и умер в двадцать пять лет. Еще одна трагедия русского самородка, которого природа создала с умом и талантом.

И не случайно среди светской болтовни заметил Пушкин эту горькую историю второго русского Ломоносова: не так ли и он, великий поэт России, каждый день помышлял о хлебе насущном, не у него ли вырвалось однажды: «Черт догадал меня родиться в России с умом и талантом?»

4.

В 1830—1836 годах А. С. Пушкин совершал частые поездки из Петербурга в Москву: туда его привлекали дела личного характера и литературные хлопоты.

6 марта, не останавливаясь в Торжке, он едет в Малинники, к Алексею Вульффу. Ночь с 6 на 7 марта 1830 года провел поэт в Грузинах, а 10 марта, оставив Малинники, отправился в Москву, где ждала его встреча с Гончаровой.

Обратно ехал Пушкин в июле. 16 июля 1830 года он покинул Москву, а уже 10 августа снова отправился туда в одной коляске со своим другом П. А. Вяземским. 9 месяцев Пушкин прожил в Москве и в Болдине и вернулся в Петербург только в середине мая 1831 года, уже семейным человеком.

Каждый раз Пушкин останавливается на ночлег в Торжке. Долгая утомительная дорога требовала хорошего отдыха. В гостинице Пожарского всегда отводили поэту его любимую комнату, в правом крыле, с окном-фонариком, выходившим на Ямскую.

---

¹⁸ См. статью А. Сусллова «Знаменитый сын России» (газета «Маяк коммунизма», 1970, № 92) и статью И. Смирнова «Самочка из Торжка» (газета «Калининская правда», 1970, 12 июня).

После всех дорожных перипетий здесь можно было спокойно выспаться. А какой была дорога, можно судить по письму Пушкина жене от 8 декабря 1831 года:

«...Не сердись, что третьего дня написал я тебе только три строки: мочи нет, так устал. Вот тебе мой отчет. Собирался я выехать в зимнем дилижансе, но мне объявили, что по причине оттепели должен я отправиться в летнем. Взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную карету с двумя товарищами... Немец всю дорогу был пьян... Я старался их не слушать и притворялся спящим... В Валдае мы принуждены были пересесть в зимние экипажи и насилу дотащились до Москвы...»¹⁹

Подобную же картину трудностей дорожного путешествия воссоздает Пушкин и в письме к жене из Москвы от 22 сентября 1832 года: «...Я приехал в Москву в среду. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс,... поспешал как черепаха, а иногда даже, как рак. В сутки случалось мне сделать три станции. Лошади расковывались — и неслыханная вещь! — их подковывали на дороге. Десять лет езжу я по большой дороге, отроду не видывал ничего подобного...»²⁰

Остановки в гостиницах Пушкин использует нередко для того, чтобы написать письма. Торжок был крупной почтовой станцией. Отсюда без задержки доставлялись письма в Москву и Петербург. Пушкин не раз писал сам именно отсюда и Наталью Николаевну просил написать из Торжка во время ее поездок в Москву и на Полотняный завод.

Так в августе 1833 года, отправляясь в поездку на Урал, Пушкин проведет ночь с 19 на 20 августа в Торжке. Отсюда он должен ехать в Ярополец, имение матери Натальи Николаевны. Утром 20 августа он взялся за перо: надо было рассеять страхи и опасения жены. Они (Пушкин и Соболевский) выехали в самую бурю: «...Приключения мои начались у Троицкого моста. Нева была так высока, что мост стоял дыбом... Чуть было не воротился на Черную речку. Однако переправлялись через Неву выше, и я выехал из Петербурга... По счастью, ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно выседел

---

¹⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. X. М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 393.

²⁰ Там же, стр. 416—417.

все это время. Что-то было с вами, петербургскими жителями, не было ли у вас нового наводнения?

Что если и это я прогулял? досадно бы было. На другой день погода прояснилась.

Вчера мы прибыли благополучно в Торжок, где Соболевский свирепствовал на нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону Ярополец, а Соболевского оставляю наедине со швейцарским сыром...»²¹

Путешествие по разбитому проселочному тракту в коляске, запряженной шестеркой лошадей, шло благополучно. Вечером 20 августа Пушкин оказался в Павловском, у Павла Ивановича Вульфа, и оттуда продолжил разговор с Натальей Николаевной в следующем письме:

«...Забыл тебе сказать, что в Яропольце (виноват: в Торжке) толстая Пожарская, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я, встретя ее, ахнула. А надобно тебе сказать, что m-lle Rojarsky ни дать, ни взять m-lle George, только немного постарше. Ты видишь, моя жена, что слава твоя распространилась по всем уездам. Довольна ли ты?...

Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете— а душу твою люблю я более твоего лица...»²²

Какое удивительное письмо! Мягкая шутка, как фон, на котором еще явственнее проступают черты обожаемого облика Натали. Она одна, душу которой он любит больше всего, живет в его сердце, владеет его помыслами. И эта дородная Пожарская, похожая на m-lle George! Ну что она за красавица в сравнении с милой Натали?! Пушкин прибегает к неожиданному сравнению, чтобы еще раз обнажить перед Натальей Николаевной всю глубину своего восхищения ее красотой. M-lle George — известная французская актриса Жозефина Веммер. В начале 20-х годов она играла в Москве одновременно с Семеновой, знаменитой трагической актрисой, выступая в одних и тех же ролях. В 30-е годы она выступает на сце-

---

²¹ Там же, стр. 436—437.

²² Там же, стр. 438.

не императорских театров в трагедиях Шекспира, имеет колоссальный успех в романтических драмах. Весь Петербург и Москва съезжались смотреть на Жозефину Веммер. И вдруг в каком-то маленьком, провинциальном Торжке поэт встречает чуть ли не простую ямщицу, которую сравнивает со знаменитой актрисой! Это чуть-чуть забавно, но зато очень наглядно для Натали. Ведь это все пишется для нее, для нее одной.

Потом и сама Наталья Николаевна, очевидно, встретится с Пожарской, так как несколько писем с дороги напишет в 1834 году из Торжка. Александр Сергеевич пишет жене из Петербурга 22 апреля 1834 г.: «...С нетерпением буду ждать известия из Торжка...»

Получив письмо Натали Николаевны, Пушкин тотчас отвечает 24 апреля 1834 года:

«Благодарю тебя, мой ангел, за письмо из Торжка...» 28 апреля пишет вновь: «...Я был спокойнее, зная уже, что до Торжка дотащились благополучно...»

25 августа и сам поэт выехал в Москву, чтобы оттуда заехать за семьей на Полотняный завод. В дороге он читал книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Это был экземпляр первого издания, который Пушкин получил от Соболевского — любителя редких изданий.

Очевидно, книга вызвала интерес Пушкина и потому, что сам он начал работу над статьей в декабре 1833 года, которая в первоначальном варианте называлась «Мысли на дороге», впоследствии заметки были названы «Путешествие из Москвы в Петербург».

В главе «О цензуре. Торжок» поэт писал:

«...Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под названием «Торжок». В ней идет дело о свободе книгопечатания, любопытно видеть в сем предмете рассуждение человека, вполне разрешившего сам себе сию свободу — напечатать в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит из всех пределов...»²³

Речь идет о книге А. Н. Радищева, с которым Пушкин вступает в некоторую полемику. Какой личной обидой на царскую цензуру полна мысль о свободе книгопечатания! Да разве он один так думает и чувствует?

---

²³ Там же, т. VII, стр. 299—300.

Совсем недавно получил Пушкин письмо из Торжка от А. А. Башилова, поэта-ремесленника, как тот сам себя называл:

«Милостивый государь! Александр Сергеевич!

Я уверен, что вы не совсем забыли того, который первому вам обязан развитию малых своих способностей; вы поощряли меня на поприще словесности и мои слабые начинания были освещены здоровой и отчетливой вашей критикой. Я никогда не забуду времени, проведенного мною с вами в Москве; те дни памяты моему сердцу, и в теперешнем моем положении, гонимый и преследуемый роком, осталась мне одна только отрада — воспоминания. Прошу вас принять со снисхождением, свойственным вашему гению, сей слабый труд моего мгновенного досуга, и если вы найдете достойным вашего воззрения, то я вполне вознагражден за все неприятности, с которыми сопряжено звание поэта-ремесленника XIX столетия.

Служа в военной службе, то есть: пресмыкаясь, а не существуя, я не имел случая сам наблюдать за печатанием; вот причина, почему неумолимая цензура, простирающаяся даже на конфетные билеты, и копотливая корректура, столь необходимая в русских типографиях, исказили в некотором отношении мою новорожденную «Поселянку».

С истинным почтением и таковой же преданностью имею честь быть вашим покорным слугою

Александр Башилов.

- 7 июля г. Торжок»²⁴.

К письму была приложена книга Башилова «Поселянка» (Повесть в стихах. Сочинение А. Б. Часть I. Москва. В типографии И. А. Решетникова. 1833 г.).

Это послание Пушкину — свидетельство еще одной стороны жизни великого поэта: большого и искреннего интереса к начинающим литераторам, сердечного к ним сочувствия, деликатной человеческой помощи.

А. А. Башилов, по всей вероятности, служил в полку, который квартировал в Торжке, испытывал какие-то жизненные невзгоды. А может быть, письмо послано с дорожной станции, что, впрочем, менее вероятно.

---

²⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. XV. М.—Л., АН СССР, 1948, стр. 66.

Впоследствии, выйдя в отставку, Башилов состоял директором Московской комиссии строений и вел закупку домов для казны.

Пушкин познакомился с ним через Дениса Давыдова и встречался, очевидно, в Москве в 1828—1830 годах.

В последний раз А. С. Пушкин остановился в Торжке в апреле — мае 1836 года. 28 апреля он выехал из Петербурга для занятий в Архивах Москвы и по делам «Современника». 30 апреля он прибыл в Торжок. Отдых был коротким. Пушкин спешил: на 1 мая в Твери была назначена дуэль с графом В. А. Сологубом, петербургским знакомым и тверским помещиком. Дуэль, к счастью, не состоялась: Сологуб был вызван по служебным делам в Витебск. 4 мая в Москве при содействии друга Пушкина П. В. Нащокина состоялось примирение.

Отъезд из Петербурга был сумрачным: запутанные дела «Современника», предстоящая дуэль — все это не веселило.

Но как нетерпеливо рвался Пушкин обратно! 20 мая он выехал из Москвы, гнал лошадей, сокращая стоянки.

В Торжке 22 мая Пушкин останавливается только на обед — и дальше. 27 мая он был дома: накануне Наталья Николаевна родила дочь, которую назвали тоже Натальей.

«Племя младое, незнакомое» входило в жизнь, а ей, казалось, «несть конца».

5.

Неумолимо быстро летит время. Мы уже отмечаем 173-ю годовщину со дня рождения Пушкина. Добрых полтора столетия молодо, свежо звучит его лира. Изменяется лицо земли. Маленькие захолустные городки растут и становятся городами. Так стало и с нашим Торжком, древним, тысячелетним, известным ранее пожарскими котлетами да золотым шитьем.

Десятки заводов и фабрик, целые новые кварталы выросли в городе. По бывшей Ямской мчатся легковые автомобили и автобусы. Книжные киоски и магазины продают в день сотни книг. О Торжке пишут книги, статьи, ему посвящают стихи:

*Ты дорог мне
Старинными соборами,
Слепят глаза на солнце купола.
И, извиваясь между косогорами,
Тебе Тверца по сердцу пролегла.
И небо голубеет над церквушками,
И город пьет задумчивую тишь.
Торжок, Торжок,
Еще воспетый Пушкиным,
Ты всей Руси историю хранишь...*

В. Соловьев

Вот так уж и повелось теперь: скажешь «Торжок» — и рядом встает имя, известное всей России, — «Пушкин».

А. С. Пушкин для новоторжцев не только великий русский поэт, а свой, родной человек. В памяти старожилов хранится трогательный факт, свидетельствующий о глубоких корнях, которые пустил гений Пушкина на Тверской земле. В 1899 году Россия отмечала столетие со дня рождения великого поэта. Официальная комиссия, состоявшая из чиновников, равнодушных к имени Пушкина, пыталась сделать все, чтобы лишить это торжество общенационального значения. Но, несмотря на это, великая русская нация чтит своего поэта.

Бедный крестьянский люд некоторых волостей Новоторжского уезда по своей инициативе собрал по подписному листу пожертвования для приобретения у наследников села Михайловского. Крестьяне, по складам читавшие Пушкина, душой чувствовали, что Михайловское должно принадлежать всей России. Из 98 рублей 59 копеек, собранных в Новоторжском уезде, 82 рубля было пожертвовано крестьянами.

Бережно хранят новоторжцы все, что связано с именем поэта. Каждый школьник покажет вам пушкинские места, если любовь к тому чистому и высокому, что есть в поэзии Пушкина, приведет вас в Торжок.

Прежде всего идите к бывшей гостинице Пожарского, что на бывшей Ямской — нынешней улице Дзержинского. Старинное здание с лепными карнизами, окнами-фонариками, с массивными колоннами в вестибюле вернет вас на полтора столетия назад. Здесь своими легкими шагами ходил Пушкин, вбегал вверх по лестнице и, говорят, даже в одной из комнат, на обоях, набросал какие-то стихи, утраченные при ремонте.

Постойте тихо у дома. Прочитайте пушкинские строки на скромной мемориальной доске. Помолчите. Подумайте.

А теперь идите дальше. Идите медленно. Каждый домик на вашем пути до Ильинской площади мог бы рассказать многое. Их век долог. Они, как старые жители на большой «государевой» дороге.

А вот и старинный особняк (Дзержинского, 98). По бокам два каменных флигелечка. На деревянном доме — мемориальная доска: «В этом доме проездом в 1828—1836 гг. бывал А. С. Пушкин». В 30-е годы XIX в. дом принадлежал Львовым-Олениным. В 10-е годы в него вошла хозяйкой Татьяна Петровна Полторацкая, двоюродная тетка А. П. Керн, вышедшая замуж за предводителя уездного дворянства С. Д. Львова, владельца Митино. В Торжке им принадлежал дом на Ямской.

В 1830 году на жительство в Новоторжский уезд переехал Петр Алексеевич Оленин, сын А. Н. Оленина, женившийся на Марии Сергеевне Львовой, своей троюродной сестре, дочери Сергея Дмитриевича. Выйдя в отставку в чине генерал-майора, он поселился с женой в д. Хватково, в приобретенном имении «Машуки», что находилось в 12 верстах от Торжка вверх по течению Тверцы. Зимой Оленины часто жили в доме на Ямской. Приемная была украшена портретами А. Н. Оленина и Е. М. Полторацкой-Олениной. В доме собиралось много молодежи, сюда стекались петербургские новости, обсуждались журнальные статьи, читались новинки литературы. Проездом часто бывал кто-нибудь из Олениных, живших в Петербурге. Часто бывал здесь и А. С. Пушкин.

Тщательно хранили в семье Олениных, а потом и Балавенских (дочь Петра Алексеевича Татьяна Петровна — Балавенская) все предания, связанные с именем поэта.

Мария Петровна Гортынская, правнучка П. А. Оленина, живущая сейчас в Москве, пишет воспоминания, в которых большое место займут рассказы о том благоговейном культе Пушкина, который господствовал в их семье. Другая правнучка Петра Алексеевича, Серафима Сергеевна Попова, совсем недавно передала в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве семейную реликвию, хранившуюся у нее долгие годы, — лайковые миниатюрные тувельки Анны Алексеевны Олениной, те самые, в которых впервые увидел ее, тогда еще юную

девятнадцатилетнюю девушку, Пушкин на балу зимой 1827 года у графини Тизенгаузен-Хитрово. Недавно в Москве, на 102-ом году жизни скончалась Мария Алексеевна Оленина — д'Альгейм, внучка Петра Алексеевича Оленина. Замечательная исполнительница народных песен и романсов, пленившая своим пением Льва Толстого, она почти 50 лет прожила в Париже, пропагандируя русскую музыку и поэзию. Она училась у Балакирева, знала Чайковского, дружна была с Шаляпиным — и всю жизнь была верна тому высокому и чистому культу Пушкина, который жил в семье Олениных. Не раз бывала М. А. д'Альгейм и в этом доме на улице Дзержинского, и в Митино, где жила ее бабушка Мария Сергеевна Оленина.

Старый дом изменился с пушкинских времен: его перестраивали изнутри, что-то изменилось и в его внешнем виде. Но это неважно. Важно то, что мы помним: здесь бывал наш Пушкин.

Об этом говорит и мемориальная доска, укрепленная на здании 6 июня 1969 года, в день 170-летия поэта. Сейчас в здании — музей А. С. Пушкина. Не затихает в нем шум жизни. Здесь учатся добрым чувствам, которые пробуждал своей лирой Поэт и Гражданин Пушкин.

Был на улице Дзержинского (б. Ямской) и еще один дом, связанный с именем великого поэта, дом Павла Ивановича Вульфа, «милейшего Павла Ивановича», как называл его в письмах Пушкин. Он был гостем Вульфа в Павловском и, возможно, — в Торжке.

После смерти жены П. И. Вульф продал Павловское и с конца 50-х годов XIX века поселился в Торжке. Скромно, тихо, незаметно дожил свой век отставной подпоручик гренадерского полка, участник битв 1812 года. В марте 1858 года он скончался и был похоронен на Богословском кладбище Торжка. Могила его взята под охрану. Возле могилы — мемориальная доска, рассказывающая о связях Пушкина с П. И. Вульфом. Так свет великого имени упал и на забытого скромного современника.

Теперь, если вы осмотрели Торжок, насладились его пейзажами, узнали прошлое и полюбили настоящее, — не спешите уехать, не побывав в Прутне.

20 минут езды на автобусе через изумительный сосно-

вый лес — и вы в Митино. Вот старинный барский дом. Здесь жили Львовы.

Основателем имения в конце XVIII века был Д. С. Львов, женатый на двоюродной сестре Петра Марковича Полторацкого. Так переплелись родственные связи Полторацких и Львовых. Другая сестра Полторацкого была замужем за Марковым-Виноградским, сын которого стал вторым мужем Анны Петровны Керн.

Трудными путями идет человеческая жизнь. Превратности судьбы связали юную семнадцатилетнюю Аннету Полторацкую с 53-летним генералом Ермолаем Федоровичем Керн. После смерти нелюбимого мужа в 1841 году она вышла замуж за своего троюродного брата. Александр Васильевич был большим неудачником в делах службы, и чета Марковых порой очень нуждалась, особенно в 60-е годы.

В Тверской губернии жили родственники и Анны Петровны, и Александра Васильевича. Супруги иногда отдыхали в Митино, иногда в Премухино у Бакуниных (сестра А. В. Виноградского, Екатерина Васильевна, была замужем за А. Бакуниным).

Лето и осень 1866—67 гг. Марковы-Виноградские провели у Львовых. Митино представляло уютный уголок, славившийся своими связями с деятелями культуры и искусства. В начале XIX века его называли «Тверским Парнасом». Здесь бывали Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин, В. Л. Боровиковский, А. Г. Венецианов, А. Н. Оленин и многие др.

Позднее, в 60-е годы, здесь бывал М. Е. Салтыков-Щедрин, многие из сотрудников «Отечественных записок», с которыми был связан Николай Сергеевич Львов, деятель либерального толка и редактор журнала «Переводная литература». Два лета провела здесь Марко Вовчок.

По-видимому, Виноградских привлекали в Митино и его традиции, и возможность безбедно пожить у богатых родственников. Об одном из пребываний А. П. Керн в Митино писала в своих воспоминаниях Татьяна Сергеевна Львова (умерла в 1911 г.), двоюродная сестра А. В. Виноградского:

«Анна Петровна была чрезвычайно ласкова, кротка, читала много, или скорей — ей читали вслух. Муж окру-

жал ее нежным вниманием, готов был на всякий труд, чтобы доставить ей желаемое...»²⁵

В январе 1878 года А. В. Виноградский умер в Премухино, где и был похоронен на фамильном кладбище Бакуниных. Анна Петровна завещала похоронить ее рядом с мужем. 27 мая 1879 года, на восьмидесятом году жизни, она скончалась в Москве. Закончился долгий путь Анны Петровны Керн, на котором суждено ей было знать и любить великого поэта. Теперь осталось только исполнить ее последнюю просьбу — похоронить в родной тверской земле рядом с мужем.

...Кончалась весна. Москва возводила на Тверском бульваре гранитный постамент, на который должен был встать на веки вечные Пушкин. А ее спешили предать земле. Свинцовый гроб с прахом покойной привезли в Торжок. В сопроводительном документе по-деловому скупо означено: станция отправления — Москва, станция назначения — Премухино.

Прошли дожди. Дороги испортились. До Премухино — 40 верст по плохому проселочному тракту.

Сын Анны Петровны Александр Александрович Виноградский распорядился похоронить мать на скромном сельском погосте Прутня, в одной версте от Митино.

Когда-то ее боготворили, готовы были исполнить любую прихоть, а теперь сын отказал в последнем предсмертном желании...

Буйно цвели сирени. За ними, подле сторожки, выбрали место для могилы, сказали последнее «прости» да и забыли об Анне Петровне, которая «чудным мгновением» явилась в жизни поэта. Пройдет много лет, и только в 1932 году «восстановят» в правах могилу А. П. Керн, и к ней вернется ее святое святых — «Я помню чудное мгновенье...»

На скромном белом камне появилась жестяная табличка с бессмертными словами Пушкина...

Каждый день идут и идут сюда люди. У изголовья могилы — надгробие, на нем — незабываемые пушкинские строки.

Летом на могиле всегда лежат цветы, сорванные и нежной девичьей, и сильной мужской рукой. Тихое сельское кладбище весной похоже на сад.

---

²⁵ Б. Л. Модзалевский. А. П. Керн. Изд. М. п. С. Сабашниковых. Л. 1924 стр 121—122.

*Цветут сирени в буйстве первоцвета.
Ликует жизнь. Но только сделай шаг —
И кладбища печальный полумрак
Погасит краски радостные лета.
Пока живем, как много в жизни надо:
Признанье, слава, встречи и разлуки,
И боль души врачующие руки,
И тишина сиреневого сада.
И ей при жизни щедро мир дарил —
Признанье света и его проклятья,
Друзей на время, горькие объятья
И клевету невысохших чернил.
Промчались бури. Улеглись волненья.
Ушла из мира, отлюбив свое.
А для бессмертья имени ее
Хватило одного стихотворенья»²⁶.*

Стоят люди возле железной ограды, слушают экскурсовода, вспоминают пушкинские стихи и просто молчат, думая о своем.

И как им хочется, чтобы «вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь» были вечно по-пушкински светлы и совершенны.

Пусть скромно место Торжка в жизни великого поэта. Но велика Россия, а Пушкин у нас один. И поэтому мы должны беречь то малое и бесценное, что еще сохранило беспощадное время.

Не умер Пушкин, потому что не зарастает народная тропа к тем местам, где бывал и жил поэт, писал свои стихи. «Душа в заветной лире» пережила его прах.

20 октября 1971 года, в дни юбилейных торжеств, посвященных столетию Торжокского педагогического училища, в этом учебном заведении открылся литературный музей, в котором представлены материалы, рассказывающие о связях великого поэта земли русской с нашим тверским краем.

Проходят годы, а Пушкин не отдаляется от нас, — он становится ближе, роднее. Это происходит от того, что «век нынешний», совершенствует нас, делает духовно богаче, приближает к прекрасному.

---

²⁶ Стихотворение написано автором настоящей статьи В. Ф. Кашковой (Ред.).

В. Н. Соколова, Д. А. Цветков

А. С. ПУШКИН В ГОРОДЕ СТАРИЦЕ И СТАРИЦКОМ УЕЗДЕ

Старичанам имя А. С. Пушкина особенно близко и дорого, так как гениальный поэт бывал в этих местах и в своих произведениях отразил свои старицкие впечатления. Город Старицу поэт посетил дважды. Первый его приезд относится к самому началу 1829 года.

Незадолго до этого А. С. Пушкин почти полтора месяца пробыл в гостях у Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф в Малинниках, где с него и было взято слово обязательно приехать в Старицу на рождественские праздники. Пушкин приглашение принял и 4 января 1829 года с радостным чувством покинул Москву и отправился в городок на Волге. Тягостная цензура Николая Первого, козни жандармов Бенкендорфа, сплетни «высшего света» — все это, хотя бы на время, осталось позади.

П. А. Осипова-Вульф с сыном Алексеем и дочерьми гостила в это время в Старице и, учитывая предстоящий приезд Пушкина, остановилась не у исправника В. И. Вельяшева, женатого на Наталье Ивановне Вульф, тетке Алексея Вульфа, а в другом месте.

В Старице в то время был расквартирован Оренбургский уланский полк. Офицеры этого полка являлись притягательной силой для местного молодого женского общества. Поэтому окрестные помещики с женами и взрослыми дочерьми приехали в город повеселиться.

На исходе вторых суток путешествия, 6 января, поэт прибыл в Старицу. Кибитка взлетела вверх по узкой улочке, идущей над самой Волгой по обрывистому ее берегу,

мимо древнего городища. Внимательно всматривался поэт в открывавшуюся его взору панораму города, который живописно рассыпал приземистые домики мещан, каменные особняки купцов и купола церквей.

Когда-то этот маленький городок был свидетелем больших событий в истории русского государства. Еще с конца XIII века, со времени основания Старицы, здесь было начало торгового пути, связывающего город с Тверью и Москвой. По этому пути из Старицы везли в эти города кузнечные и гончарные изделия, войлочные армяки, хлеб, рыбу и другие товары. Но этот древний путь видел не только мирные обозы с товарами. В 1238 году здесь промчались конные отряды татаро-монгольских завоевателей, разоривших несколько городов на Верхней Волге. Спустя 129 лет после татаро-монгольского нашествия в Старицу из Москвы пришел со своей ратью князь Дмитрий Донской и отнял город у Тверского княжества. Через несколько лет тверской князь в союзе с литовцами «ходил на Москву», имел успех и вернул Старицу обратно. Во время Ливонской войны по старому московско-тверскому пути двигались к Старице стрелецкие полки московского войска. Здесь же по крутым улочкам города проносились, вынюхивая крамолу, всадники с собачьей головой у седла — опричники Ивана Грозного.

Промчавшись по заснеженным улицам, пушкинский возок остановился у дома исправника Вельяшева. По свидетельству Алексея Вульфа, Пушкин устроился у П. А. Осиповой-Вульф, а на следующий день был приглашен Вельяшевым на семейный бал. Таким образом, Пушкин являлся гостем не только Осиповой-Вульф, но был радушно принят и в доме Вельяшевых. Вельяшеву, как полицейскому служаке, было лестно видеть у себя человека, который был знаком с Бенкендорфом и с самим государем, что для самого Вельяшева являлось недостижимым «идеалом».

На балу Пушкин смеялся, шутил. Был ласков со всеми. Судя по воспоминаниям Алексея Вульфа, Пушкин проводил время в Старице очень весело и очаровывал женское общество своим остроумием. Алексей Николаевич Вульф на протяжении ряда лет вел дневники, в которых наряду с разными событиями были описаны и его встречи с великим поэтом. Вот как отметил Вульф пребывание Пушкина в Старице: «В крещенье приехал к нам в Старицу Пушкин. Он принес в наше общество немного

разнообразия. Его светский, блестящий ум очень приятен в обществе, особенно женском. С ним я заключил оборонительный и наступательный союз против красавиц, отчего и прозвали его сестры Мефистофелем, а меня Фаустом»¹.

Среди старичьих «красавиц», о которых пишет Алексей Вульф, особенно выделялась дочь исправника Катенька Вельяшева. Эта молоденькая девушка привлекла внимание Пушкина. Взгляд его все чаще останавливался на ней. Она и впрямь была хороша. Поэта увлекла эта встреча. Вот что говорит в своих воспоминаниях по этому поводу Екатерина Евграфовна Синицына, современница Пушкина, взятая на воспитание Павлом Ивановичем Вульфом:

«На семейном балу у Василия Ивановича Вельяшева я встретила первый раз А. С. Пушкина. Пушкин и Вульф постоянно вертелись около Екатерины Васильевны Вельяшевой. Она была очень миленькая девушка, особенно чудные были у нее глаза»².

Под впечатлением обаятельного облика Е. Вельяшевой Пушкин через несколько дней и написал шутовское стихотворение «Подъезжая под Ижоры...».

Необходимо заметить, что молодежь восхищалась Пушкиным как гениальным поэтом, произведения которого многие знали наизусть. Бывшая на балу у Вельяшевых Варвара Васильевна Черкашенинова записала в своем дневнике: «Я не стыжусь признаться, что, будучи у Вельяшевых в Старице в крещенский праздник, я не сводила глаз со своего поэтического кумира Александра Сергеевича Пушкина, и когда он, заметя мой устремленный на него взор, приятно мне улыбнулся, я была вне себя от восторга» (Черкашенинова Варвара Васильевна родилась в 1804 году, умерла в 1869 году, жила в с. Сверчково, в 16-ти км от Малинников, с матерью, сестрой и братом. Часто посещала с. Павловское и с. Соколово, встречалась с Пушкиным в Старице, в Павловском, в Малинниках).

В стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?» поэт пишет:

---

¹ А. Н. Вульф. Дневники. М., изд. «Федерация», 1929, стр. 192.

² В. А. Колосов. Александр Сергеевич Пушкин в Тверской губернии в 1827 году. Тверь, 1888, стр. 11.

*...Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!*

Надо полагать, что «две белокурые, две стройные сестрицы» — это сестры Черкашениновы. (Варвара Васильевна Черкашенинова вела дневник с 1824 года. Этот дневник поступил в краеведческий музей г. Старицы в 1919 году от собирателя этого музея Е. А. Клодта).

Но вот наступило 8 января. Пушкин почему-то не захотел больше оставаться ни у Осиповой-Вульф, ни у Вельяшева, а отправился в село Павловское. Нет сомнения, что Осипова-Вульф и Вельяшевы были бы рады побывать в обществе Пушкина еще несколько дней. Однако поэт предпочел веселому обществу скучное однообразное Павловское, где и прожил неделю.

Вызывает недоумение то обстоятельство, что, приехав из Москвы по приглашению Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф в Старицу на крещенские праздники, Пушкин пробыл здесь только два дня. Возникает вопрос: «Чем же остался недоволен Пушкин?»

Можно предполагать, что, находясь в Старице, поэт от кого-то узнал (скорее всего от дворовых людей) о той неприглядной роли, какую сыграл исправник Вельяшев в расправе над недовольными крестьянами в Бернове за год до приезда А. С. Пушкина, в 1827 году. Услышанные поэтом подробности жестокого усмирения крепостных пробудили в его сердце неприязненное чувство к полицейскому держиморде, и он, очевидно, не захотел больше с ним встречаться. Из дневника А. Вульфа видно, что в Павловское поехал Пушкин с ним, а Осипова-Вульф с дочерьми оставалась в Старице. В последующие годы, как известно, Пушкин, проезжая мимо Старицы, к Вельяшеву никогда не заезжал.

Дом Вельяшевых не сохранился, но на месте бывшей усадьбы красуется дуб, которым, наверное, любовался еще Пушкин.

Вновь А. С. Пушкин посетил Старицу лишь через четыре года, побывав там проездом в 1833 году. Тогда он работал над историей Пугачева. 18 августа Пушкин выехал из Петербурга. Так как по пути ему надо было захватить в имение своей тещи Ярополец, то он решил ехать через Торжок и Старицу. В Павловском побывал у Пав-

ла Ивановича, утром 23 августа Пушкин распростился с гостеприимным хозяином, сел в тележку, и добрая тройка, звеня бубенцами, помчалась по ровной дороге к Старице. Через несколько часов тихие улицы Старицы вновь увидели Пушкина. На пароме переехали через Волгу, миновали монастырь, проскакали мимо купеческих лавок, и Старица осталась позади. Вероятно, что и о нашем крае А. С. Пушкин мог бы сказать строками своего стихотворения:

*Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши...³*

А. С. Пушкин писал А. Дельвигу: «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю». Почему же Пушкину было очень весело в этих краях, чем он был так доволен? Из письма видно, что великого поэта привлекла «деревенская жизнь», без светской суеты, на лоне природы, подалее от сплетен и интриг, подалее от дремлющего ока царских жандармов. И это действительно так. Давайте заглянем в некоторые стихотворения, которые написаны в Малинниках и Павловском. Вот, например, чудесное стихотворение «Зимнее утро». Любуясь природой верхневолжского края, поэт вдохновенно пишет:

Мороз и солнце; день чудесный!

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

Поэт приглашает своего «друга прелестного» из окна павловского дома (этот гимн природе создан в Павловском) поглядеть на прекрасные виды, которые природа

---

³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. III. М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 261.

В дальнейшем ссылки даются на это издание.

щедро рассыпала вокруг. Но гораздо лучше любоваться ими на воле. И поэт говорит:

*Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?*

*Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.*

Эта лирическая картина, написанная рукой гениального художника, не плод вдохновенной фантазии. И обнаженный лес, и ель, зеленеющая сквозь иней, и блестящая подо льдом речка, и милый берег — все это то, что можно было видеть в окрестностях сельца Павловского.

Невольно возникает вопрос: кто же этот «друг милый», с которым поэт совершал прогулку в санках? Если принять во внимание рассказ вольноотпущенного Гавриила Емельянова о том, что Пушкин однажды встретился ему на дороге в санях вместе с помещицьею дочкой, то не исключена возможность, что «друг милый» — лицо реальное. Да и сам Пушкин в том же письме к Дельвигу замечает о новых знакомствах: «Мария Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море».

Следует заметить, что подобным лестным эпитетом из всех местных барышень, с которыми здесь встречался поэт, была удостоена только одна Борисова. «Друг милый» — это, очевидно, Машенька Борисова, которой Пушкин написал на листке бумаги следующие строки:

*Минуты сладостных свиданий,
И прелесть девственных ланит,
И пылкий жар твоих лобзаний —
Все память сердца сохранит.*

Эти строки обнаружены в альбоме М. Борисовой, который был найден в архиве Старицкого музея в 1929 году, и впервые опубликованы в «Неделе» (1965, № 47). С прогулками поэта в окрестностях Малинников связан и следующий отрывок:

*Как быстро в поле, вокруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзшая звучит!*

(III, 99)

В малочисленных источниках, скупо освещающих пребывание А. С. Пушкина в Тверской губернии, почти не затронут вопрос об отношении великого поэта к людям, среди которых он вращался, будучи в этих местах.

Свои мысли об этих людях Пушкин изложил в тех письмах, которые он писал, находясь в Малинниках и Павловском. Писем было написано пять: два А. Дельвигу, два А. Вульфу и одно жене — Н. Н. Пушкиной.

Зная, что его письма весьма внимательно прочитываются царскими жандармами, поэт, конечно, не мог высказывать свои мысли и наблюдения прямо и открыто, а вынужден был прибегать к иносказательной и шутильной форме.

В одном из писем к А. Дельвигу Пушкин как бы мимоходом замечает: «Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито». В этих словах дана меткая и выразительная характеристика тех помещиков, с которыми общался поэт.

Попытаемся расшифровать смысл этого замечания Пушкина. Соседи — это братья Вульфы, Панафидин из Курово-Покровского, Юргенев из Подсосенья, Миллер, владелец Сенчукова, Ртищев из Глинкина, Вельяшев из Старицы и некоторые другие местные помещики. Все они являлись закоренелыми монархистами-крепостниками, и Пушкин их интересовал не как гениальный поэт, а как лицо, вхожее в высшие сферы. Само собой разумеется, что видеть в деревенской глуши человека, который был в царском дворце и беседовал с самим Николаем I, для местных дворян было крайне любопытно и интересно.

Можно предполагать, что большинство из этих «соседей» творений Пушкина не знали, так как по свидетельству А. Панафидиной «все эти пожилые люди талантом. Пушкина интересовались мало»⁴. Невежество местных дворян подчеркивает в своем дневнике и А. Вульф, который пишет: «...они сильно отстали в сво-

⁴ «В наши дни», 1936, № 2, стр. 92.

ем мнения от нынешнего поколения». По утверждению того же Вульфа, интересы его родственников-соседей «за пределы их имений не простирались»⁵.

В другой раз Пушкин сообщает А. Дельвигу: «Здесь страшат мною ребят, как букою...» Помещицы-мамаши не говорили своим детям о Пушкине как о замечательном поэте, а припугивали им ребятишек, когда те капризничали.

В письмах Пушкина есть наблюдения, относящиеся к отдельным лицам. Так, побывав в 1829 году в Бернове, поэт сообщает А. Вульфу: «Недавно узнали мы, что Нетти, отходя ко сну, имеет привычку крестить все предметы, окружающие ее постелю. — Постараюсь достать сосуд, ею освященный»⁶. Нетти — это Анна Вульф, дочь владельца Бернова, молодая девушка, по словам Пушкина, «томная, истеричная, потолстевшая». Подмечая суеверность помещицкой дочки, поэт подчеркивает тем самым ограниченность ее кругозора, прямое следствие убогого воспитания детей в дворянских семьях. Юмор этого письма свидетельствует и об атеистическом вольнодумстве поэта.

Далее в этом же письме поэт ядовито замечает, что И. И. Вульф «на строгом диете», имея в виду гаремные «подвиги» помещика. Крепостной быт раскрывается во всей его позорной неприглядности!

В своем дневнике А. Вульф записал так: «Мой дядюшка Иван Иваныч прижил от своих одалисок дюжину детей, а своих законных оставил на попечение жены». Судьба гаремных детей весьма печальна: в метрической книге Берновской церкви они показаны в разделе умерших с добавлением эпитета — «незаконнорожденный» младенец.

В письме к А. Вульфу Пушкин упоминает и об одном из офицеров уланского полка, который часто бывал в Бернове и принимал участие в расправе над восставшими крестьянами в 1827 году. «Писарева кто-то прибил, и ему велено подать в отставку», — иронически замечает поэт. И опять налицо яркий портрет: старицкий офицер царской армии — скандалист, пьяница и трус; он не вы-

---

⁵ А. Н. Вульф. Дневники, стр. 205—206.

⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. X. М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 262.

звал на дуэль своего обидчика, а подобных «прибитых» офицеров в армии не держали.

Взаимоотношения А. С. Пушкина с трудовым людом изучены крайне мало. До Октябрьской революции авторы работ о Пушкине сознательно игнорировали этот вопрос и показывали Пушкина лишь в окружении дворян. Конечно, крепостные люди, с которыми Пушкину приходилось встречаться и разговаривать, мемуаров не писали и дневников не вели, но некоторые их устные предания были в свое время записаны и сохранились до наших дней.

В конце 80-х годов прошлого столетия в тверском крае были еще живы некоторые современники Пушкина из бывших дворовых людей Вульфов. Краевед Жизневский, активный собиратель предметов старины, один из первых начал собирать рассказы трудового люда о Пушкине. По его просьбе старицкий городской голова Веревкин опрашивал отдельных современников поэта из Берновской вотчины.

Вот что рассказал Веревкину бывший дворовый Степан Михайлович Бородин: «Пушкина я видел в Берново вместе с Алексеем Вульфом. Пушкин часто разговаривал с дворовыми и крепостными крестьянами, шутил с ними. Крестьяне и дворовые люди его также не чуждались и любили с ним беседовать. Крестьяне отзывались о Пушкине как о добром и веселом человеке, большом шутнике».

Такой же отзыв о Пушкине сделал и другой современник поэта Глеб Маркович Сизов, тоже бывший дворовый Вульфов. Незадолго до столетия со дня рождения А. С. Пушкина в Берново приезжал тверской краевед И. А. Иванов. Собирая сведения о пребывании поэта в верхневолжском крае, Иванов записал и рассказ 86-летней крестьянки Натальи Филипповны Кудрявцевой, которая доживала свои последние годы в Марицине, что недалеко от Малинников. «Александр Сергеевич, — рассказывала Кудрявцева, — любил смешиваться с простым трудовым народом на базарах и гуляньях и для того переодевался в простонародный костюм»⁷. По словам Кудрявцевой, Пушкин, приехав однаж-

---

⁷ И. А. Иванов. О пребывании А. С. Пушкина в Тверской губернии. — В кн.: Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. Вып. 1. Тверь, 1903, стр. 243.

ды из Москвы в Павловское, привез для дворовых людей «гостиница».

В 1930 году Д. А. Цветкову довелось читать дневник соседки Вульфов В. В. Черкашениновой, который хранился тогда в архиве Старицкого музея. В этом интересном дневнике были записи и о Пушкине. Вот одна из записей от 26 ноября 1829 года: «Павел Иванович рассказал нам за вечерним чаем, что Пушкин, будучи в Павловском, любил слушать простые народные песни, которые напевала ему дворовая девушка Дуня Прокофьева. Голос у Дуни был чистый и звучный, и окружающие с удовольствием слушали ее пение». И далее в дневнике были такие слова: «Миллер, прельстившись красотой и голосом Дуни, просил Павла Ивановича уступить ему эту девушку, на что Павел Иванович ответил: «Что вы, дорогой мой, как это можно. Ведь ее пение любил слушать Александр Сергеевич Пушкин».

Из метрических книг Берновской церкви установлено, что в то время, когда Пушкин слушал песни Дуни Прокофьевой, ей было 29 лет. Она прожила долгую жизнь и скончалась в возрасте 81 года в Павловском.

Дневник Черкашениновой свидетельствует и еще об одном любопытном эпизоде. Однажды, будучи в Бернове, Пушкин заинтересовался портретом Н. Г. Борзовой, который висел в гостиной. На вопрос, кто это так хорошо написал портрет, Надежда Гавриловна (жена И. И. Вульфа) ответила, что автором портрета был их крепостной человек, из дворовых. Пушкин пожелал видеть крепостного художника, но Иван Иванович заметил, что этот живописец три года назад был продан помещику Рачинскому. (Дневник Черкашениновой в годы Великой Отечественной войны был уничтожен со всеми другими материалами Старицкого музея).

Летом 1933 года Д. А. Цветкову довелось записать рассказ старого колхозника из Малинников П. Васильева о встречах его деда с А. С. Пушкиным. «Мне отец, — рассказывал он, — говорил, что мой дед Гавриил Емельянов два раза встречался с Пушкиным. Дедушка занимался плотницким ремеслом и однажды подрядился у берновского мельника отремонтировать старую мельницу. Стучит своим топориком на мельнице и вот раз видит: подъезжает верхом на лошади к плотине нездеш-

ний барин. Остановился на берегу возле мельницы, полюбовался на воду и, увидев деда, громко спросил:

— Скажи, братец, ты здешний?

— Точно так, барин, здешний, из Малинников.

— А скажи, братец, верно говорят, что в этом омуте дочь мельника утопилась?

— Верно, барин, годов десять тому назад это было. С горя девка утопилась.

— А с какого горя?

— Да говорят, что местный барин над ней созорничал.

Поблагодарил незнакомый барин деда, подозвал его к себе и на прощанье дал серебряный рубль. Поклонился дед барину в пояс и спрашивает, как его величать-то?

— Звать меня Александр Пушкин, — ответил молодой барин и поехал дальше.

Второй раз дед мой видел Пушкина, когда тот встретился ему на дороге в санях вместе с барской дочкой. Сняв шапку, дед низко поклонился, а Пушкин приветливо кивнул головой».

В метрических книгах Берновской церкви за 1844 год значится, что в Малинниках действительно был вольноотпущенный человек Гавриил Емельянов. В первый приезд Пушкина Емельянову было 42 года.

Среди произведений, написанных А. С. Пушкиным в этих краях, особое место занимают те, в которых великий поэт обращается к жизни трудового народа. С волнением вглядываясь в окружающее, поэт признается:

*Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака...*

В этой яркой картине, изображенной великим художником-реалистом, не только передана красота русской природы, поэзия деревенского пейзажа, но и чувствуется затаенная грусть, вызываемая бедностью крестьян.

Будучи в 1829 году в Павловском, Пушкин начал работать над так называемым «Романом в письмах» (в рукописи названия произведения нет). Здесь поэт поднимает проблему взаимоотношений дворянства и крестьянства. Герой произведения, явно выражая чувства и мысли автора, восклицает, подразумевая окрестных помещиков: «Какая дикость! Для них не прошли еще времена Фонвизина. Между ними процветают еще Простаковы и Скотинины!»

Для подобного вызова у Пушкина было более чем достаточно оснований. В самом деле, владелец Бернова И. И. Вульф продал несколько семей своих крестьян, причем дети разлучались с родителями. Надо полагать, что Пушкину было известно и то, что И. И. Вульф сослал в Сибирь несколько крестьян, якобы за бунт и неповиновение. В первой половине XIX века в Берновской волости вольготно разгуливала азиатская холера, от которой умерла не одна сотня человек, однако о постройке больницы никто из Вульфов не думал. О гаремной практике И. И. Вульфа уже говорилось.

В Павловском написан Пушкиным также первоначальный набросок предисловия к «Повестям Белкина». Может быть, и «История села Горюхина» задумана автором в имениях Вульфов.

Как же интересовалось творчеством А. С. Пушкина старицкое дворянство? Вот один из характерных фактов. В 1919 году из помещичьей усадьбы села Берново в Старицкий музей поступили три тома пушкинского «Современника»: они оказались даже неразрезанными! А на посмертное собрание сочинений А. С. Пушкина в Старицком уезде подписалось всего три человека.

Положение резко изменилось в советские годы. И трудящиеся и органы молодой советской власти поставили своей задачей бережно сохранить все, связанное с памятью о великом поэте.

Старицкий уездный исполнительный комитет весной 1919 года дал указание подотделу охраны памятников искусства и старины взять на учет в Бернове и Малиниках мебель, картины, портреты, документы, книги и прочие вещи, имеющие то или иное отношение к великому поэту. В начале июня того же года представители подотдела по охране памятников побывали в пушкинских местах и составили подробную докладную за-

писку на имя председателя уисполкома с приложением вещей и предметов музейного значения. В докладной записке было указано, что бывший помещичий дом в Бернове имеет 30 комнат, драночная крыша требует замены, в некоторых комнатах провисли потолки и заметны следы течи от дождя. В нескольких наиболее сохранившихся комнатах жили рабочие и служащие совхоза «Берново», в ведении которого находилось это здание. Комнату, которая отводилась Пушкину при его приездах в Берново, комиссии установить не удалось, так как никаких фактических данных по этому поводу не имелось. В докладной отмечалось, что рабочие и служащие совхоза собрали из разных комнат уцелевшие книги и бумаги, бережно уложили в шкафы и заперли на замок. Для хранения в Старицком музее из Бернова комиссия взяла портрет Н. Г. Борзовой, современницы Пушкина (жены И. И. Вульфа).

Были взяты и портрет А. Керн, силуэтные портреты А. Н. Вульф, несколько картин, дуэльные кремневые пистолеты, книги Пушкина 1857 года издания, три письма Е. Н. Вульф, адресованных к А. И. Вульф с экспромтом Н. М. Языкова.

В Малинниках представители подотдела охраны памятников увидели в весьма плохом состоянии дом, в котором жил Пушкин. Простояв свыше ста лет, это деревянное одноэтажное здание готово было рухнуть (оно окончательно и рухнуло в 1923 году). В доме были низкие потолки с матицами, рамы с фрамугами, несколько небольших комнат, изразцовые печи, жесткие кресла из красного дерева, старинные столы.

В то время в Малинниках проживала Е. С. Панафидина — одна из последних владелиц этого имения. Старицкий уисполком выдал ей охранное удостоверение и поручил ей беречь находившееся в Малинниках имущество. Из Малинников в местный музей поступили портрет А. Н. Вульфа (акварель Шадэ), портрет-миниатюра князя Куракина (отец Б. Вревского, мужа Е. Н. Вульф), портрет П. И. Вульфа, три книги «Современника» Пушкина, «Северные цветы» Дельвига с напечатанными в этом альманахе стихами Пушкина, фарфоровая посуда и кресло из красного дерева.

Еще ранее, в 1914 году, из Малинников в Пушкинский дом были взяты альбом А. Н. Вульфа с записями

Пушкина, Дельвига, поэта Туманского и других, три письма Пушкина к П. А. Осиповой и письмо Дельвига к ней же.

Работники подотдела по охране памятников сфотографировали дом в Малинниках и внутренний вид двух комнат. В 1920 году Академия Наук прислала Панафидиной охранную грамоту, а Пушкинский дом поручил ей сохранять архив, библиотеку и музейные ценности, которые были в Малинниках.

В огне боев 1941—1945 годов погибли ценнейшие пушкинские материалы Старицкого краеведческого музея. Но любовь старичан к великому поэту пережила все испытания.

Большой интерес представляет Пушкиниана, которую уже много лет собирает Петр Осипович Лосев. В настоящее время в его коллекции собрано свыше ста книг о Пушкине, о его произведениях. В собрании П. О. Лосева находятся тома анненковского издания сочинений А. С. Пушкина.

Кроме книг в коллекции П. О. Лосева около полутысячи открыток, медали, статуэтки, марки, конверты, значки и другие материалы, посвященные А. С. Пушкину и его произведениям. Пополнить коллекцию помогают П. О. Лосеву дружеские связи с такими же увлеченными Пушкиным людьми, как и он сам. Письма, посылки, бандероли идут к нему из разных городов: из Рыбинска и Ферганы, Москвы и Ленинграда, Риги и Таллина. В квартире-музее П. О. Лосева можно встретить и школьников, которые только открывают для себя Пушкина, и маститых ученых.

В Старицкой районной библиотеке организуются вечера, чтения, беседы, посвященные А. С. Пушкину. В читальном зале библиотеки оформлена экспозиция «Пушкин и наш край», постоянно действующая книжная выставка, рассказывающая о связях поэта с Верхневолжьем. Интерес читателей библиотеки к жизни и творчеству Пушкина с каждым годом растет.

Уголки Пушкина любовно оформлены в каждой сельской библиотеке района. А в селе Берново в 1969 году открыт Пушкинский музей, который только за 1970 год посетило около двух тысяч человек. Поток экскурсантов из разных областей, краев и республик нашей страны становится все более значительным. Народная тропа к поэту не зарастает!

Т. Н. Сидельникова

ЛИРИЧЕСКАЯ ПУШКИНИАНА СОВЕТСКИХ ПОЭТОВ

Пушкин и его поэзия стали за более чем полувековой период существования советской литературы важнейшей ее темой. Трудно назвать поэтов, которые не обращались бы к стихам и к личности Пушкина. Советская лирическая Пушкиниана богата. А взгляд на творчество Пушкина, утвердившийся в советской поэзии, можно выразить словами: Пушкин — наш современник.

Первым эту мысль высказал Демьян Бедный на I Всесоюзном съезде советских писателей, утверждая преемственность революционной советской поэзии и пушкинского творчества: «Пушкин, это ли не наш современник! Не лишайте нас таких современников»¹. В стихотворениях «Гений и пошлость», «По себе судят», «Скомканный фельетон», «Предисловие к поэме «Гавриилиада» поэт революции заложил основы наших современных суждений о поэзии Пушкина и его трагической судьбе. Д. Бедный любил Пушкина, прекрасно знал его творчество и дал отпор белогвардейской пропаганде, искажавшей наше отношение к Пушкину. Он первый использовал пушкинские стихи в борьбе с контрреволюцией, меньшевиками. Наиболее отчетливо выразилось отношение Д. Бедного к Пушкину в его «Сказке о батраке Балде и о страшном суде». Оживший в наши дни пушкинский герой олицетворял собою освобожденный на-

---

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей (1934 год). Стенографический отчет. М., «Художественная литература», 1934, стр. 557.

род, создавший комбеды, строящий школы, преобразивший родной край.

*Стоят у избы
Не бывшие рабы —
Запуганные,
Изруганные,
Заплеванные,
По рукам — по ногам скованные,
Придавленные колодками:
Нет, шумят мужики с молодками,
Бабы не лезут в карман за словами,
Видать — с мужиками поравнялись правами.
Говорят все свободно
Про что им угодно,
О том, как прогнавши царя и господ,
Вздыхнул полной грудью народ, —
Как живется теперь мужикам, дескать, вольно, —
Того у них нет, а этого — довольно, —
Коль с хозяйством прочно наладится дело,
Год — другой перебьется деревня смело,
А потом заживет уже всласть,
Только б, дескать, окрепла Советская власть .*

Пушкиным предреволюционной поэзии называли Александра Блока. Он подобен Пушкину благородством своего писательского облика и силой влияния на свое поколение. Блоку были необычайно близки пушкинские произведения, особенно «Пир во время чумы», «Медный всадник», «Каменный гость». Часты пушкинские мотивы в блоковской лирике: «Жил на свете рыцарь бедный», «Шаги командора». Со стихами Пушкина перекликаются блоковские стихи о Родине. Порвав с поэзией символизма и став поэтом-гражданином пушкинской школы, Блок естественно пришел к поэме «Возмездие», замысел которой так близок к «Евгению Онегину» Пушкина. Поэма начинается с характеристики жестокого века:

*Век девятнадцатый железный,
Воистину жестокий век.*

---

² Демьян Бедный. Собр. соч. в пяти томах. Т. II. М., стр. 131.

Это несомненная переключка с пушкинским «Памятником»: «...в мой жестокий век восславил я свободу». И в лирике своей, подобно Пушкину, Блок сделал попытку предначертать свою поэтическую судьбу в программных строках:

*О, я хочу безумно жить:
все сущее — увековечить,
безличное — вочеловечить,
несбывшееся — воплотить!*

Из дневников Блока мы узнаем, что когда он писал в 1918 году стихотворение «Скифы», он имел в виду пушкинское «Клеветникам России». «Мы умираем, а искусство остается», — сказал Блок накануне своей смерти. Последнее свое стихотворение поэт посвятил пушкинское «Клеветникам России». «Мы умираем, а

*Имя Пушкинского Дома
В Академии наук!
Звук приятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!*

*Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе.
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!*

*Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?*

*Вот зачем в часы заката,
Уходя в ночную тьму
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему!³*

Замечательный поэт В. Я. Брюсов, которого Горький назвал самым культурным писателем на Руси, тоже считал себя учеником Пушкина. Брюсов-поэт неоднократно обращался к темам и образам Пушкина. Брюсов-ученый исследовал рукописи Пушкина и его био-

---

³ А. А. Блок. Полн. собр. стих. в двух томах. Т. II. М., «Советский писатель», 1946, стр. 219—220.

графию, был продолжателем, знатоком и ценителем Пушкина в предреволюционную и советскую эпоху. В его стихотворении «Кинжал» слились традиции Пушкина и революция 1905 года. Революционный смысл приобретают пушкинские эпитафии в его стихах «Цусима», «Цепи», «Блудный сын», «Все кончено», «Венок на могилу». Гражданский пафос политической лирики Пушкина возрожден Брюсовым в «Юлии Цезаре», «Гребцах Триремы» и стихотворении «Памятник». Считая Пушкина своим героем, вершиной, к которой надо стремиться, «полубогом», Брюсов осмелился доработать и продолжить пушкинские «Египетские ночи». Пушкину посвятил Брюсов стихотворение «Вариации на тему «Медного всадника». У памятника Петру Пушкин беседует с Адамом Мицкевичем:

*Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом;
Дождь мелкий моросил; туман
Все облакал в плащ затрапезный,
Все тот же медный великан,
Топча змею, скакал над бездной.
Там у ограды преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. Мыслей вихрь слепящий
Летел, взвивая ряд картин, —
Надежд, падений и годин.
Вот — вечер; тот же город спящий,
Здесь двое под одним плащом,
Стоят, кропимые дождем,
Укрыты сумрачным гранитом,
Спиной к приподнятым копытам.
Как тесно руки двух слиты!
Вольнолюбивые мечты
Спешат признаньями меняться;
Встает в грядущем день, когда
Народы мира — навсегда
В одну семью соединятся⁴.*

В двадцатые годы еще более возрос интерес советских поэтов к Пушкину. Нигилизму теоретиков пролет-

---

⁴ В. Я. Брюсов. Стихотворения. Минск, Гос. уч. пед. изд. БССР, 1955, стр. 279.

культы и футуризма, отрицавших художественное наследие прошлого, советские поэты противопоставляли глубокое осмысление современной действительности и стремление к классической пушкинской ясности образов. В эти годы пропагандистом пушкинской поэзии стал Эдуард Багрицкий. Не стремясь модернизировать Пушкина, Багрицкий взглянул на него как на союзника в революционной борьбе и как на поэта, которого взрастила мятежная романтика, особенно ему дорогая. Сохранить романтику в эпоху пролетарской революции для Багрицкого значило не только наполнить ее революционным содержанием, но и пронизать ею реалистическое искусство, сделав его возвышенным, окрыленным.

Образ Пушкина — символ прекрасной вдохновенной поэзии — Багрицкий демонстративно вводит в круг образов революции. Только революционная Россия стала настоящей Родиной поэта, только теперь может быть до конца понята свободолюбивая Муза Пушкина. Багрицкий называет себя мстителем за убийство поэта, первым называет настоящего убийцу Пушкина — царя Николая. Тема возмездия решается в его стихах как тема личной ответственности советского поэта за судьбу пушкинской поэзии в послеоктябрьскую эпоху.

*Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый шшами, голоден и бос,
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце закипал,
И в свисте пуль, за песней пулеметной,
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный порыв...
Цветет весна — и Пушкин отощенный
Все так же сладостно вольнолюбив⁵.*

Багрицкий читал наизусть сотни пушкинских произведений, открывая рабочим людям целый мир красоты. Он читал Пушкина в клубах, агитпоездах, для пионеров... И в стихах Багрицкого ясно слышны темы и мо-

---

⁵ Э. Г. Багрицкий. Стихи и поэмы. М., ГИХЛ, 1964, стр. 337.

тивы пушкинского творчества. Близки к пушкинским романтическим пейзажам элегии Багрицкого «Я отыскал сокровища на дне», «О полдень, ты идешь в мучительной тоске». Пушкинская любовь к образам античной мифологии вспоминается при чтении антивоенного стихотворения «Славяне» и других стихов античного цикла. Уважением к национальной истории народов, к традициям фольклора проникнута лучшая поэма Багрицкого «Дума про Опанаса». И этому Багрицкий учился у автора «Маленьких трагедий» и «Песен западных славян». В стихотворении «Петербург» (1922) Багрицкий нарисовал впечатляющую картину труда строителей Петербурга. Главным героем петровской Руси поэт сделал «мужичью рать», которую не могли погубить ни жестокость царя, ни болотная тьма. Восстание в октябре 1917 года подготовлено веками — так осмысливал Багрицкий пушкинскую концепцию народной революции.

Творческое воздействие Пушкина испытывал Сергей Есенин, всегда называвший его в числе своих любимых поэтов. Поэт объехал пушкинские места, фотографировался у памятников Пушкинца, выражал чувство преклонения перед памятью поэта, участвовал в праздновании 125-летия со дня рождения Пушкина. На юбилейном митинге 6 июня 1924 года на Тверском бульваре в Москве он прочитал стихотворение «Пушкину», в котором выразил горячие чувства национальной гордости и любви к великому поэту.

Есенин воспевал и воспринимал творчество Пушкина как поэзию жизнелюбия и гуманизма. В «Письме к сестре» он сравнивал его поэзию с цветущим садом. После долгих и трудных исканий Есенин пришел к пушкинской традиции в «Персидских мотивах», «Возвращении на Родину», «Руси Советской». Концовка последнего навеяна пушкинскими строфами: «Здравствуй, племя младое, незнакомое», пушкинской мыслью о текучести бытия. Но от стихов Есенина, пушкинских по форме, веет волнующим дыханием революции. На этих стихах печать нового времени:

*Но и тогда,
Когда по всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —*

*Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

В зрелой поэзии Есенина своеобразно преломились многие темы и образы Пушкина: тема Кавказа («Персидские мотивы»), Дон-Жуана («Может, поздно, может, слишком рано»), Германна («Сочинитель бедный, это ты ли?...»), Черного человека («Черный человек»). Обращение к поэзии Пушкина питало лучшие стороны есенинского таланта.

У Пушкина учился и самый большой поэт советской эпохи — Владимир Владимирович Маяковский, ставший, подобно Пушкину, гигантом мировой поэзии.

Было бы странным искать буквальных совпадений и соответствий в произведениях Пушкина и Маяковского, внешнего их сходства. Но внутренняя связь их так же глубока, как связь всей советской литературы с лучшими традициями литературы прошлого. Идеальная и творческая близость с Пушкиным отражена Маяковским в знаменитом стихотворении «Юбилейное» (1924). Пушкин и Маяковский встречаются в нем как величайшие новаторы и непревзойденные мастера слова.

Отвергая домыслы насчет своего якобы нигилистического отношения к Пушкину, Маяковский как советский поэт понимал, что революционная эпоха поставила перед поэзией новые идейно-художественные задачи. Однако новую художественную форму зрелый Маяковский создавал, опираясь на традицию, прежде всего на пушкинскую традицию. Заключительные строки «Необычайного приключения»:

*Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!⁷*

⁶ С. А. Есенин. Собр. соч. в трех томах. Т. II. М., «Правда», 1970, стр. 91.

⁷ В. В. Маяковский. Полн. собр. соч. в тринадцати томах. Т. II. М., ГИХЛ, 1956, стр. 38.

— заставляют вспомнить пушкинскую «Вакхическую песню», созданную столетием раньше:

*Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!*

Советские поэты 20-х годов доказали, что социалистический реализм возникал не в порядке «взрыва» предшествующей литературы, а на основе критического усвоения и переработки традиций великого классического наследия. И Пушкин — «живой, а не мумия» (Маяковский) стал лучшим олицетворением этих традиций.

Мысль о неразрывной связи между пушкинским творчеством и нашим временем окончательно утвердилась в тридцатые годы. Тогда сложились новые традиции в разработке пушкинской темы. Поэтов привлекало изображение живого Пушкина во всей сложности его жизни и творчества, отношение к нему как к нашему современнику, чье творчество принадлежит советскому народу, помогает ему строить социализм.

10 февраля 1937 юбилейного года «Правда» писала в передовой статье: «Пушкин целиком принадлежит нам, нашему времени, он живой и еще долго будет жить в будущих поколениях. Пушкин — слава и гордость великого русского народа — не умрет никогда».

Пушкин никогда не был еще так популярен, как в тридцатые годы. Презрением и ненавистью к палачам Пушкина, палачам передовой культуры прошлого были проникнуты стихи советских поэтов Николая Асеева, Павла Антокольского, Александра Безыменского, Константина Симонова. Николай Асеев — единственный, кого Маяковский представил Пушкину в стихотворении «Юбилейное», — был достоин этой чести, несмотря на то, что путь его к Пушкину пролегал через тупики символизма и футуризма. Понимание поэзии Асеевым «развивалось в лад с Маяковским, в лад с Гоголем, в лад с Пушкиным». Он вырос в страстного пропагандиста пушкинских традиций:

*Пушкин! В поэтах на первом месте,
Не постаревший и после конца;
Нет безупречней и выше чести
Не увядающего венца*⁸.

Выразителен образ Пушкина как учителя поэзии, свет которой не умрет и после гибели поэта, в поэмах Н. Асеева «Маяковский начинается», «Поэма о Гоголе»:

*Так пушкинский разум был светел,
что будто в России светало,
но деспот рассвет тот заметил —
и Пушкина больше не стало*⁹.

А в стихотворении «Скажи, с кем ты знаком?» поэт отрицает возможность гибели Пушкина. Верой в его бессмертие и молодость звучат стихи о знаменитом памятнике Опекушина, который вознес Пушкина «на всенародной любви пьедестал».

10 февраля 1937 года с речью о Пушкине на торжественном заседании в Большом театре выступил поэт Александр Безыменский. Комсомольский поэт говорил о любви молодежи к Пушкину: «Весь день сегодня сияло зимнее солнце над Москвой, столицей социалистического Отечества. Это был величественный памятник, торжественный реквием природы в день столетней годовщины гибели гениального русского поэта. Но никакое солнце не сравнится по величине с необъятной любовью народов, обращенной сегодня к Пушкину. К нему, живому, обращаем мы песню своего сердца:

*Во имя большой человеческой весны,
Что делает всех навсегда молодыми,
Как знамя несут комсомольцы страны
Твое, Александр Сергеевич, имя!»*¹⁰

Речь А. Безыменского о Пушкине была одновременно рассказом об успехах социалистического строительства и культурной революции в стране, об осуществле-

---

⁸ Н. Н. Асеев. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. М., ГИХЛ, 1964, стр. 238.

⁹ Н. Н. Асеев. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. М., ГИХЛ, 1964, стр. 475.

¹⁰ А. И. Безыменский. Стихи и поэмы. М., ГИХЛ, 1952, стр. 354.

нии пушкинской мечты, о свободе и счастье людей. И в своих поэтических произведениях 20-х годов, «Трагедийной ночи», например, поэт использует поэтические реминисценции из «Полтавы», «Медного всадника», «Памятника» Пушкина, чтобы воспеть красоту трудовых подвигов советского «племени младого».

В 30-е годы к художественной Пушкиниане обращается Павел Антокольский. Он признавался, что каждый этап своего духовного и поэтического роста стремился связать с постижением Пушкина, поведать о наиболее существенном из жизни великого поэта. Цикл его стихов «Пушкинский год» открывался стихотворением «Дорога», запечатлевшим приезд Пушкина к ссыльному Пушкину. Стихотворения «Работа» и «Элегия» отражали политические переживания Пушкина, трагические страницы его биографии в год восстания декабристов. Лучшее стихотворение этого цикла — «Баллада о Чудном Мгновении». Преждевременной гибели поэта посвящено стихотворение «Черная речка». Цикл завершается стихотворением «Бессмертие»:

*Дружба, женщины, жажда живая
Все схватить и, сжимая в горсти,
Каждый облик своим называя,
Все постигнуть и перерасти, —
Это — он!
И на площади Красной,
На трибунах, под марш боевой,
Он явился, приветливый, страстный,
С непокрытой, как мы, головой.
Это — он!
Это в пламени песни,
В синих молниях неумолим
Он — учитель, товарищ, ровесник,
Входит в школу к ребятам моим¹¹.*

К молодому поколению советских лириков тридцатых годов принадлежал Константин Симонов. В его поэзии мы видим также очень своеобразное преломление пушкинской традиции. Стремление глубже постичь современность привело его к жанру исторической поэмы, к

---

¹¹ П. Г. Антокольский. Избр. в двух томах. М., «Художественная литература», 1966, стр. 430.

традициям пушкинских «Полтавы» и «Медного всадника». В поэме К. Симонова «Суворов» оживает пушкинская традиция в разработке исторической темы. Героический образ Суворова в бою близок образу Петра как героя Полтавской битвы. Он воссоздан зримо, отчетливо, и хотя мы не найдем дословных внешних совпадений, чувствуется творчески воспринятый дух пушкинской «Полтавы».

*Фельдмаршал впереди полка
Летает на коньке крылатом:
«Вперед, орлы! Вперед, ребята,
Не поведите старика».
С одним георгием в петлице,
В мундире грубого сукна,
Он проскакал вперед по мосту.
Дощечки тонкие тряслись.
Свистали пули. Аванпосты
Уже с французами сошлись...¹²*

Симонову дороги эпические, повествовательные традиции пушкинской поэмы, пушкинский ямб. Он стремится, опираясь на Пушкина, найти образное решение близкой ему темы мужества.

Облик Пушкина запечатлен в стихотворении «Три ночлега», посвященном событиям лета 1829 года, путешествию Пушкина в Арзрум, Пушкин-прозаик предстает в стихотворении «Заря». Взявшись за «Пугачева» и «Капитанскую дочку», Пушкин вывел на сцену народ, совершив переворот в «изящной словесности»:

*А там история Петра,
А там еще такие планы,
Что за размахом великанов
Не попевает бег пера¹³.*

Грандиозным творческим планам Пушкина не удалось осуществиться. Свершилась трагедия на Черной речке:

*Барьер. Наемный пистолет
Безродного космополита¹⁴.*

¹² К. М. Симонов. Собр. соч. в шести томах. Т. I. М., «Художественная литература», 1966, стр. 403—408.

¹³ К. М. Симонов. Заря. «Новый мир», 1949, № 6, стр. 8.

¹⁴ Там же.

В эпилоге этого стихотворения, сравнивая Пушкина с зарей русской культуры, веря в то, что никогда не угаснет солнце его поэзии, К. Симонов лирически описывает ночную Мойку, кабинет Пушкина. Не убитого. Живого. Нашего.

*Горит заря полоской узкой,
Он у окна стоит живой,
И в даль литературы русской
Глядит с подъятой головой.*

Человек, понимавший душу своего народа, верно оценивший его прошлое, увидевший будущее России — таков Пушкин в стихах молодого К. Симонова, в стихах умных и глубоких по содержанию, особенно запомнившихся среди многочисленных юбилейных поэтических откликов.

Юбилей Пушкина «отмечала» и белая эмиграция 30-х годов. Но как? — Под флагом политической демагогии. Рьяно старались превратить Пушкина в икону, в надклассового «идеального» поэта.

Резко противостояла подобной фальсификации Марина Цветаева, сказавшая по-настоящему и во весь голос свое правдивое слово о Пушкине. В цикле ее стихов, опубликованных в парижском журнале «Современные записки» глубоко разработана тема Пушкина — спутника всех русских поэтов, их вечно современного друга, советчика, собеседника. Образ этот лишен «хрестоматийного глянца». Поэтесса разрабатывает самую сложную тему пушкинской биографии: «Пушкин — Наталья Гончарова». Она ведет спор за Пушкина, против Гончаровой, только красавицы, просто красавицы, без ума, души и сердца. Как и в стихах Я. Смелякова, раннем — «Натали» — и позднейшем — «Извинение перед Натали» — у Марины Цветаевой мы слышим суровый приговор Гончаровой-кукле, Гончаровой-богине, но не человеку.

Цветаевские стихи о Пушкине во многом полемичны. Поэтесса вступает в спор за Пушкина со всей белой эмиграцией, с ее коленопреклоненным почитанием Пушкина как литературной иконы. Пушкин — живой, вольный из вольных, бешеный бунтарь. Цветаева настаивает на родстве Пушкина с Маяковским. В. Орлов в предисловии к книге М. Цветаевой «Мой Пушкин» подчерки-

вает активность обличительной позиции поэтессы по отношению к белой эмиграции, пытавшейся оболгать живого Пушкина.

Говоря о гибели Пушкина, поэтесса прямо называет убийцей Николая I. Она ненавидит этого человека как личного врага, который не за далью времен, а рядом. В стихотворении «Поэт и царь» Цветаева пишет:

*Пушкинской славы
Жалкий жандарм.
Автора хаял,
Рукопись стриг.
Польского края
Зверский мясник.
Зорче взглядися!
Не забывай:
Певцоубийца
Царь Николай
Первый¹⁵.*

Источником высокого вдохновения был Пушкин и для большой русской поэтессы А. А. Ахматовой. Она пронесла любовь к его поэзии через всю свою творческую жизнь, пушкинская тема была одной из главных тем ее творчества. Традиции Пушкина и русской национальной культуры вывели Ахматову из тупика акмеизма, открыли ей дорогу к революции, к народу, в большую советскую поэзию.

Детство А. А. Ахматовой прошло в Царском Селе — священной земле русской поэзии. Это во многом определило содержание ее поэзии и литературоведческого труда, связанного с Пушкиным и пушкинским Петербургом.

В ранних стихах поэтессы воссоздан лирический образ Пушкина. В ранней книге «Вечер» Пушкину посвящено стихотворение из двух четких и нежных строф кристальной прозрачности:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов.
И столетия мы лелеем*

---

¹⁵ М. Цветаева. Мой Пушкин. М., «Советский писатель», 1967, стр. 189.

*Еле слышный шелест шагов.
Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный томик Парни*¹⁶.

Стихи Ахматовой, посвященные Пушкину и Царскому Селу, определили реалистический путь ее в поэзии, верность традиционным формам стиха, их четкой и строгой гармонии.

В годы Великой Отечественной войны поэтессой написаны стихотворения «Клятва», «Мужество», «Городу Пушкина». Стихотворение «Пушкин» (1943) полно раздумий о пушкинской славе, мудрости, великой силе его стихов:

*Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?*¹⁷

В поэзии Анны Ахматовой 50—60-х годов продолжает громко звучать пушкинская тема. Стихотворение 1957 года «Городу Пушкина» имеет пушкинский эпиграф: «И царскосельские хранительные сени...» Оно навеяно знаменитыми «Воспоминаниями в Царском Селе», лицейскими стихами Пушкина. А «Евгений Онегин» остался для поэтессы неиссякаемым источником поэтического вдохновения:

*И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной*¹⁸.

В годы Великой Отечественной войны с особенной ясностью ощутилась глубокая национальная сущность пушкинского творчества, его величайший патриотизм и

---

¹⁶ А. А. Ахматова. Бег времени. Стихотворения. М.—Л., «Советский писатель», 1965, стр. 16.

¹⁷ Там же, стр. 302.

¹⁸ Там же, стр. 365.

народность. Советские люди знали, что врагам не покорить народа, который явил миру Пушкина.

Пушкинские стихи были спутниками советских солдат от Волги до Эльбы, пушкинская тема разрабатывалась многими поэтами. Когда Советская армия освободила Пушкинские Горы — русскую национальную святыню — рядовые солдаты, до этого никогда не писавшие стихов, посвящали любимому поэту пламенные строки.

Вот четверостишие рядового Николая Гринькова, одного из освободителей Михайловского:

*Бессмертие певца не в бронзе монументов —
В сердцах людей он навсегда живой.
Стихи его звенят и в пулеметной ленте,
Когда нам враг навязывает бой*¹⁹.

«Пушкинские горы». Так называется поэма сибиряка Александра Смердова, посвященная одному из волнующих эпизодов Отечественной войны — освобождению нашими войсками Тригорского и героической смерти молодого поэта Сергея Снежкова, который личным примером заставил залегших солдат ринуться в рукопашный бой с немцами. Лучшие страницы этой поэмы посвящены Пушкину:

*Гремит призывно не поодаль,
Все ближе, ближе и ясней:
«Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — зываю к ней...
Идут, идут на память сами
Стихи — звенят, звенят навзрыд,
И Пушкин, Пушкин пред глазами
Зовущим призраком стоит*²⁰.

«Духовным спутником народа» называли Пушкина в дни войны. Его произведения часто читались по радио. Патриотическое слово поэта воодушевляло воюющий народ. Своими стихами Пушкин воевал вместе с народом. В одном из «Окон ТАСС» ленинградцы прочли строки, лучше и своевременнее которых трудно представить:

¹⁹ «Красная звезда», 1946, 19 мая.

²⁰ А. Смердов. Пушкинские горы. — «Новый мир», 1949, № 6, стр. 67.

*Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны.
Восстал и стар и млад,
Летят на дерзновенных,
Сердца их миценьем возжены!*

Это были строки Пушкина из стихотворения «Воспоминания в Царском Селе».

Поэт-фронтовик Мих. Дудин писал стихи о боях за город Пушкин, за Пушкина:

*Потом я помню сто «катюш» забило
И едкой гарью с Пулкова несло.
Мы шли в атаку. В самом деле было
Отечеством нам Царское Село²¹.*

М. Дудин продолжал тему Багрицкого, тему мести за Пушкина. Каждый воин бил из пулемета по фашистам, как по Дантесу, отдавая назад пулю, посланную в Пушкина, мстя за Пушкина каждой новой смертью гитлеровского солдата. А когда отгрохотали бои за Берлин,

*...кто-то на рейхстаге написал:
«От Ленинграда до Берлина» Пушкин²².*

В стихах Алексея Недогонова «свинец, поэта погубивший, прошел сквозь каждого из нас». Евгений Долматовский по-своему передавал отношение бойцов Советской армии к Пушкину:

*Ведь нас в боях овеяло стихами,
Огнем его бессмертия,
Поэтому стал Пушкин рядом с нашими вождями
И наше счастье — родственно ему²³.*

Вера Инбер в стихотворении «Пушкин жив» рассказала о действительном факте, бывшем во время воздушной тревоги. При обвале в доме едва не погиб человек, который не хотел бросить свои книги. Он кричал: «Тут книги у меня, тут Пушкин!» Едва очнувшись на боль-

---

²¹ М. Дудин. Стихи о Пушкине. — В кн.: Материалы юбилейных торжеств (1799—1949). М.—Л., АН СССР, 1951, стр. 330.

²² Там же, стр. 331.

²³ Е. Долматовский. Стихи, песни, поэмы. М., ГИХЛ, 1951, стр. 51.

ничной койке, он спросил: «А Пушкин?» И голос друга, поспешив, ему ответил: «Пушкин жив»²⁴.

О родстве с Пушкиным советских людей, одержавших великую победу над фашизмом, хорошо сказал Сергей Васильев:

*Когда мы том заветный раскрываем
волшебных, вечных пушкинских стихов,
когда мы вновь и вновь переживаем
великий смысл неугасимых слов,
когда мы слышим в каждой песне милой
и гнев поэта и любовь его, —
с какой непостижимой, ясной силой
мы ощущаем с ним свое родство.
Ведь это мы планету отстояли
от гитлеровской бешеной чумы,
ведь это мы надеждой мира стали,
мы — дети Октября, сыны России — мы!
Да, с нами разум! С нами совесть мира!
Редет тьма, и солнца луч горит.
И боевая пушкинская лира
о нашей славе миру говорит*²⁵.

Пушкинская тема стала главной в творчестве поэта, родившегося в г. Пушкине, бывшем Царском Селе, — Всеволода Рождественского. Каждый уголок пушкинских парков, здание лицея вызывают у поэта высокие чувства, заставляют его сердце биться в ритме классических строк. Целый цикл стихотворений Вс. Рождественского посвящен поэту земли русской.

*Я начал день свой пушкинским стихом,
Сверкнувшим мне с развернутой страницы,
И до сих пор он в памяти струится,
Как отраженья-клена над прудом*²⁶.

Стихотворения «Пушкинский парк», «Памятник юноше Пушкину», «Пушкин в метро», «Первая железная дорога» и многие другие произведения Пушкинианы Вс. Рождественского наполнены большим содержанием,

²⁴ В. М. Инбер. Собр. соч. в четырех томах. Т. I. М., ГИХЛ, 1962, стр. 300.

²⁵ «Знамя», 1949, № 6, стр. 4.

²⁶ Вс. Рождественский. Русские зори. М.—Л., ГИХЛ, 1962, стр. 285.

отличаются глубоким «подводным течением», давая возможность пережить ощущение встречи с живым Пушкиным.

В его стихах мы встречаем пушкинские темы и пушкинских героев: Руслана, Людмилу, Черномора, поэт переносит нас в пушкинские парки Тригорского, в Михайловские снега, в нянину избушку, на улицы и площади Ленинграда, где мы можем оказаться лицом к лицу с Пушкиным.

Основная мысль Рождественского в том, что чудные сады поэзии были посажены Пушкиным, и по этим садам, собирая урожаи до сих пор бродят поэты. Пушкинское солнце русской поэзии вечно стоит в зените.

Сегодняшняя наша лирика тяготеет к большим философским обобщениям, к гармоничности, к ясности, ко всему, идеалом чего для нас остается пушкинский стих. Поэтому живой и действенный смысл имеют слова: пушкинская традиция.

В поэзии 50—60-х годов живым воплощением связи традиций классического реализма с новаторством литературы социалистического реализма стал С. Я. Маршак. В его поэзии внешняя традиционность стиха сочетается с глубокой современностью строгой и умной лирики.

*За краткий век страданий и усилий
тревог, печалей, радостей и дум
вселенную вы сердцем отразили
и в музыку преобразили шум*²⁷.

Читая эти строки, трудно не назвать имя той гармонической личности, которую Маршак вспоминает на каждом шагу. Имя это — Пушкин. Маршак в своей «Избранной лирике» отстаивает пушкинские принципы в поэзии, спорит о Пушкине как критик и доказывает его правду как поэт. По его мнению, Пушкин — образец того истового, толкового и звонкого поэта, без влияния которого невозможно развитие поэзии. Близки к пушкинской традиции и детские, и сатирические, и философские стихи Маршака.

Удивительно просто и лирично его стихотворение о памятнике Пушкину в Москве.

²⁷ С. Я. Маршак. Полн. собр. соч. в четырех томах. Т. II. М., ГИХЛ, 1960, стр. 46.

У памятника на закате летом
Играют дети. И, склонив главу,
Чуть озаренную вечерним светом,
Он с возвышенья смотрит на Москву.
Поют, гудят машины, выбегая
На площадь из-за каждого угла.
Бурлит Москва — родная, но другая, —
И старше и моложе, чем была.
А он все тот же. Только год от года
У ног его, на площади Москвы,
Все больше собирается народа
И все звучнее свежий шум листвы.
Участник наших радостей и бедствий
Стоит незыблем в бурю и грозу,
Там, где играл, быть может, в раннем детстве,
Как те ребята, что снуют внизу²⁸.

Маршак нашел в Пушкине не только учителя, но единомышленника и друга, показал его нашим современникам.

В современной советской поэзии можно говорить о Пушкиниане А. Смелякова, А. Жарова, Н. Грибачева, В. Звягинцевой, С. Щипачева, В. Соколова, В. Фирсова, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Л. Васильевой. Чем больше познают поэты гражданский и творческий подвиг Пушкина, тем острее воспринимается ими все, связанное с его трагической смертью. Разрабатывая тему жизни и гибели великого поэта, они по-разному подходят к решению философской проблемы: жизнь — смерть, гений — злодейство, но всех их объединяет вера в бессмертие пушкинской поэзии, в вечно живого Пушкина.

Белла Ахмадулина в стихотворении «Дуэль», преодолевая скорбные раздумья, утверждает, что история давно все поставила на свои места. В ее стихотворении Пушкин выходит победителем из поединка с Дантесом:

*Дантес лежал среди сугроба,
Подняться не умел с земли,
А мимо медленно, сурово,*

---

²⁸ С. Я. Маршак. Стихи. Сказки. Переводы. В двух книгах. Кн. 1. М., ГИХЛ, 1955, стр. 100.

*Не оглянувшись люди шли.
Он умер или жив остался —
Никто того не различал,
А Пушкин пил вино, смеялся,
Друзей встречал, озорничал.
Стихи писал, не знал печали,
Дела его прекрасно шли,
И повсдила все плечами,
И улыбалась Натали ²⁹.*

И этот порядок утверждён навечно: убит Дантес, а Пушкин — жив. «Племя младое, незнакомое» предаёт позору всех, кто виновен в смерти Пушкина, оно верит в пушкинское бессмертие.

В стихотворении «Здравствуй, Пушкин!» Я. Смеляков выражает чувства советского народа, его сыновнюю любовь и нежность к Пушкину, утверждает справедливое историческое возмездие царским палачам:

*Мы твоих убийц не позабыли:
В зимний день, под заревом небес,
Мы царю России возвратили
Пулю, что послал в тебя Дантес.
Вся Отчизна в праздничном цветенье.
Словно песня, льётся вешний свет.
Здравствуй, Пушкин! Здравствуй добрый гений!
С днем рожденья, дорогой поэт! ³⁰*

---

²⁹ Б. Ахмадулина. Дуэль. — «Юность», 1962, № 2, стр. 72.

³⁰ Ярослав Смеляков. Избранные произведения в двух томах. Т. I. М., «Художественная литература», 1970, стр. 132.

В. А. Редькин

Н. РЫЛЕНКОВ И ПУШКИНСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В ряду советских поэтов, испытавших сильное и благотворное влияние пушкинской поэзии, мы видим Николая Рыленкова. «В поэзии Пушкина, — по его словам, — нашло гениальное, редкостное по чистоте тона выражение извечного стремления человека к гармонии, к преодолению хаоса в окружающей жизни и в природе, а прежде всего в собственной душе»¹.

Н. Рыленков, склонный по своей природе к чистой, светлой лирике, интуитивно тянулся к поэзии Пушкина. К стихотворению «Расставание» Рыленков ставит эпиграфом строки Пушкина:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.*

«Учеба у символистов для наших поэтов имеет очень ограниченные возможности, нельзя учиться утверждать полноценность жизни у людей, которые проповедают смерть! — писал Н. Рыленков в открытом письме с Первого съезда ССП. — Гораздо ближе к нам такие поэты, как Гете, Пушкин, Некрасов, древнегреческие поэты, наследие которых еще совсем не изучено, но которое

---

¹ Н. И. Рыленков. Душа поэзии. М., «Советский писатель», 1969, стр. 28.

мы должны освоить, чтобы создать поэзию больших страстей, поэзию социализма»².

Искренность этих слов всецело подтверждается стихами Рыленкова, вошедшими в первые сборники: «Мои герои» и «Встречи». Эмоциональный настрой, идейная целеустремленность, даже традиционные размеры — все говорит о влиянии поэзии классиков. Кстати, чаще других размеров Рыленков использовал здесь пушкинский четырехстопный ямб. При всех недостатках этих сборников, проявившихся в неудачных сравнениях, риторичности отдельных стихов, лучшие строки Рыленкова передают свежесть и оптимизм мироощущения, тонкую наблюдательность, обостренность чувств и свидетельствуют об умении поэта мыслить образами:

*Будьте, зори, теплыми, будьте, росы, щедрыми —
Словно в детстве хочется попросить опять —
Чтоб хлеба негнулися под сухими ветрами,
Не пришлось бы колосу колос догонять*³.

Социальная направленность и актуальность делали стихи Рыленкова новаторскими.

Критика того времени подчеркивала положительные результаты внимания Рыленкова к классике. «Я должен, к чести Рыленкова, отметить, что он очень серьезно работает над классиками, в частности, над Пушкиным, и эта учеба идет ему впрок», — писал С. Кирьянов⁴.

На протяжении своего творческого пути Рыленков не раз обращался к Пушкину, всегда считая его произведение не музейными драгоценностями, а живой и действующей поэзией, участвующей в современной борьбе. В сборник «Истоки» (1938 г.) под общим заголовком «Тень Пушкина» им были помещены три стихотворения: «Встреча на пути в Арзрум», «Перед дуэлью», «Бессмертие». В облике гениального поэта Рыленков ценит прежде всего борца. Погибли единомышленники Пушкина, и он чувствует себя бесприютно и сиротливо, но советский поэт, его союзник и наследник, страстно спорит с ним: «Нет, нет! Ты не был одинок, в сердцах за-

² Н. И. Рыленков. За поэзию больших страстей. — «Наступление», 1934, № 9—10, стр. 138—139.

³ Н. И. Рыленков. Встречи. Смоленск, Запгиз, 1935, стр. 13.

⁴ «Наступление», 1935, № 6, стр. 82.

печатлелось слово». Он знает, что «студенты и мастеровые заговорят в свой срок» и имя Пушкина станет бессмертным. Пафос стихов направлен против виновников гибели поэта.

*О, сколько вычеркнет имен
Граф Бенкендорф по черным спискам —
Все, кто талантлив, кто умен,
Не ко двору царям российским, —⁵*

горячо заявляет Рыленков, призывая «поставить у барьера и царя».

В конце 40-х годов Рыленков вернулся к этому триптиху. Лиричнее звучала первая часть: «Лицейские сады». И лексика (воины, ратный строй, муза, отчизна), и размер — пятистопный ямб, и строфика, и обращения — все напоминает торжественные послания юного Пушкина, оставаясь, конечно, в русле поэзии Рыленкова.

«Встреча на пути в Арзрум» становится центральным стихотворением. Трагичны мысли Пушкина о судьбе друзей, о своем будущем, о Родине.

Из того замкнутого круга враждебности и непонимания, в котором оказался Пушкин, выход мог быть только в творчестве, озаренном светом великих гуманистических идей. В этом суть стихотворения «Болдинская осень». Рыленков приоткрывает душевный мир великого поэта, воссоздает его раздумья «обо всем, что приходит, когда остаешься один».

*Да, один на один с пережитым далеким и близким,
С шумом желтой листвы, опадающей с мокрых ветвей,
С низким небом осенним, с великим простором российским,
И с судьбою отчизны, что стала судьбою твоей.*

*Да, судьбою твоей. Ты за все перед нею в ответе:
За друзей и врагов, за минувший и будущий день,
За свое вдохновенье, за песни раздольные эти,
Что, минуя заставы, летят изо всех деревень.*

Рисуя сам процесс творчества, Рыленков передает его радость и счастье. Стихотворение перекликается с экспромтом Пушкина «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». Это произведение, созданное в памятную осень 1830-го года, изумительно. Оно с потрясаю-

⁵ Н. И. Рыленков. Истоки. Смоленск, 1938, стр. 13.

⁶ Н. И. Рыленков. Стихотворения и поэмы. Т. II. М., ГИХЛ, 1959, стр. 71.

щей силой передает редкое для Пушкина душевное смятение, неизъяснимое на языке прозы волнение. В стихотворении Рыленкова, как и в пушкинских стихах, ставится вопрос о смысле жизни и дается оптимистический ответ: этот смысл в служении народу.

В стихах Рыленкова последних лет «Надпись на портрете», «Под небом Бессарабии», созданных рукой уже зрелого мастера, музыкальных, полнозвучных, Пушкин рисуется на «празднике муз» дерзким и талантливым. Он наслаждается «вольнлюбивой музой ласковой» и дружеской «вольной застольной беседой», он поэзии «хмелем пьян». Рыленкова привлекает неиссякаемая молодость Пушкина, «душевных сил избыток».

Можно провести много параллелей между стихами Рыленкова и стихами великого основоположника русской поэзии. Когда читаешь цикл Рыленкова «Земля отцов», вошедший в сборник «Березовый перелесок» (1940 г.), невольно вспоминаешь знаменитую «Песнь о вешем Олеге». Психологическая и историческая достоверность изображения сочетается в творчестве Пушкина с постановкой подлинно современных проблем. И как в словах пушкинского волхва слышен голос автора, так в стихах и маленьких поэмах Рыленкова уже довоенных лет содержатся ответы на вопросы, поставленные временем. Поэт показывает решающую роль народа в истории. Эта историческая концепция автора проявляется в поэме «Меч Монамаха». С врагом бьется «сын за отца, седой отец за сына и брат за брата, взятого в полон». Они отважно сражаются, «чтоб мирно пахарь шел в степи привольной, росла спокойно на лугах трава».

Стихотворение «Свадьба Марины Мнишек» прославляет беззаветное мужество, бескомпромиссность, патриотизм, национальную гордость человека. В балладе «Отрок с уздечкой» Рыленков прямо сталкивает два мнения о том, кто играет главную роль в истории: выдающаяся историческая личность, вроде киевского князя Святослава, или безымянные представители народа. Героем своего произведения поэт делает никому не известного подростка, показывая, что его подвиг привел к разгрому печенегов и к спасению Киев, хотя, возможно, это и припишут Святославу. Уже в первых поэмах Рыленкова «Земля» и «Война» его герои неотделимы от народа. Узловые моменты поэм связаны именно с народ-

ными сценами, показывающими этапы роста самосознания крестьян, их революционности.

Рыленков посвятил свои стихи и Киевской Руси, и периоду феодальной раздробленности, и «смутному времени», и войне 1812 года. Об этой войне им написан большой исторический роман «На старой Смоленской дороге», для книги о начале XVII века был собран обширный материал, так и оставшийся неиспользованным.

Исследователи творчества А. С. Пушкина отмечали его глубокий неослабевающий интерес в течение всей жизни к «Слову о полку Игореве», находили следы «Слова» и в ранних произведениях, особенно в «Руслане и Людмиле», где Пушкин создал даже образ Баяна, и в более поздних. Поэзия Н. Рыленкова питается из тех же источников. Живо чувствуется влияние «Слова» в главе «Плач о разорении земли русской» из поэмы «Скоморох Овсей Колобок». Скорбным рефреном звучат строки: «А за Русь заступиться и некому».

*И я хотел бы, как Баян,
Вести полки на вражий стан
В боях грядущих за отчизну, —*

пишет он в предвоенные годы.

В его стихи вплетаются образы древней поэмы, одно из лучших своих стихотворений он посвящает Ярославне и, наконец, создает замечательный «пересказ» «Слова», к которому готовился всю жизнь.

В формировании художественной системы Пушкина важную роль сыграл фольклор. Элементы устного народного творчества естественно входили в его лирику, в основу ряда его произведений легли народные песни и сказки. Лирика Рыленкова тоже питалась из глубоких источников народной поэзии. Чудесная фантазия русских сказок, меткое словцо, задушевные народные песни с детства вошли в сознание писателя. Став поэтом, Рыленков уже сознательно обращается к изучению сборников былин и песен, древнерусской литературы. «Читайте простонародные сказки, молодые писатели, — чтоб видеть свойства русского языка», «вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в на-

ших журналах»⁷, — призывал Пушкин, и этому завету Рыленков был верен.

Постоянные эпитеты, народная символика, параллелизмы и метафоры, пословицы и поговорки, народные поверья, песни обогащают слог его произведений. Мы встретим в них упоминания о сказочной Несмеяне, Жарптице, Кощее, о бабе Яге, русалках, ведуньях, ведьмах, леших, о чертях, об олене золоторогом, змее Горыныче; встретим такие сказочные атрибуты, как шапка-невидимка, сапоги-скороходы и т. д. Рыленков сам пишет сказки, а созданные им песни «Ходит по полю девчонка...», «То ли гречка цветет...», многие частушки поистине стали народными.

*Зубрил я правила грамматики,
А влек меня живой язык.
Так пусть угрюмые догматики
Ворчат. Я к этому привык*⁸, —

искренне писал Рыленков о своем изучении родного языка.

Необыкновенный подъем национального самосознания, стремление передовых людей к свободе, независимости и равенству, характерное для эпохи Отечественной войны 1812 года, оказывали прямое и непосредственное влияние на талант Пушкина. Великая Отечественная война стала школой мужества для Рыленкова.

Поколение, прошедшее горнило войны, возмужало нравственно, стали зрелыми и его эстетические взгляды.

*От слов заученных и пресных,
От чувств, что плоти лишены,
Мой современник, мой ровесник,
Мы отзратились в дни войны.
Под визг свинца, под скрежет стали,
Вдали от отчего крыльца
Нас обожгла она, и стали
Огнеупорными сердца.
В них переплавились, как в тигле,
Все наши чувства и мечты,*

---

⁷ Пушкин и Горький о народном творчестве. М., Учпедгиз, 1938, стр. 21.

⁸ Н. И. Рыленков. Стихотворения и поэмы. Т. II. М., ГИХЛ, 1959, стр: 262.

*Мы, возмужав, навек постигли
Закон суровой простоты*⁹.

С первых же дней войны Рыленков ушел добровольцем на фронт, стал выразителем чувств миллионов советских людей, и это дало ему право и после войны выступать от имени своего поколения. В этом и заключается народность его поэзии.

В лучших стихах Н. Рыленков достиг высокого мастерства. Даже в условиях войны он тщательно работал над формой. Подлинное произведение искусства в любых условиях способно принести больше пользы, чем самая злободневная, но безвкусная поделка. Стихи Рыленкова отогревали душу солдата, вселяли веру в победу, показывали, что судьба человека и судьба его Родины неделимы. В разлуке советские люди заново оценили утраченное на время счастье, война им открыла чувство, называемое радостью жизни.

Кто бы ни писал о творчестве Рыленкова, обязательно отмечает традиционность его стиха. Это действительно так. Но прав и М. Исаковский, подчеркивавший, что Н. Рыленков «хорошо владеет поэтической формой во всех ее видах»¹⁰. В этом легко убедиться, открыв сборник стихов поэта, где встретишь и балладу, и элегию, и сонет, и октавы, все размеры силлабо-тонического стиха с индивидуальным ритмическим рисунком в каждом конкретном произведении, и народный стих, и ударник, и верлибр — все это в зависимости от мыслей и чувств, выражаемых автором.

«Трудом упорным» называл Пушкин художественное творчество. Рыленков поэт-художник, поэт-подвижник. В его записных книжках мы найдем множество вариантов строк и стихов, к уже напечатанным произведениям он не раз возвращался вновь. Такие замечательные его стихи, как «Гроза прошла», «В глухой степи на месте древних сеч...», «Художнику», обрели глубину мысли и выразительность в результате тщательной работы поэта над их формой и содержанием.

Конечно, все общее в творчестве основоположника русской классической литературы и в поэзии талант-

⁹ Там же, т. 1, стр. 282.

¹⁰ М. В. Исаковский. Корни и листья. «Рабочий путь», 1962. 9 февраля, стр. 3.

ливого советского писателя наивно было бы объяснять только непосредственным влиянием одного на другого. Пушкинские традиции продолжались и развивались, разъединяясь и вновь сливаясь, в творчестве многих поэтов прошлого и настоящего. И Рыленков, обладавший широкой эрудицией, прекрасно знавший поэзию, некоторые пушкинские традиции воспринимал опосредованно, уже преломленными в творчестве Бунина, Блока или Есенина. Это больше относится к стороне художественной, к поэтике, что же касается эстетической направленности, голоса совести поэта, то тут надо отметить прямое влияние Пушкина на Рыленкова.

Н. Рыленков четко осознавал те пушкинские заветы, которым он следовал всю жизнь, развивая которые, он создал лучшие свои стихи. «Обращение к Пушкину всегда означало жажду ясности, свидетельствовало об укреплении веры в силу человеческого разума, в логику истории, в неразрывность понятия добра и красоты»¹¹, — отмечал советский поэт. В лирике Пушкина воплощены лучшие человеческие чувства, отсюда ее воспитательное значение. «И чувства добрые я лирой пробуждал», — эти искренние слова правдиво отражают сущность его поэзии.

«Пробуждать и воспитывать чувства добрые — это значит одновременно вести борьбу с недобрыми чувствами, с такими, которые мешают установлению прозрачных отношений между людьми. Чтобы иметь моральное право утверждать такие отношения, художник должен стоять на большой нравственной высоте и быть в своем искусстве правдивым до конца, как в большом, так и в малом»¹², — писал Рыленков о современной литературе, и без сомнения, это были основы его собственной поэтической программы. Добрые чувства, добрые люди, добрая земля в его поэзии. «Его лирика словно бы напоена светом этой доброты, берущей начало в исконных свойствах русского характера и обретающей ныне новый и углубленный смысл, новые черты, от-

---

¹¹ Н. И. Рыленков. Душа поэзии. М., «Советский писатель», 1969, стр. 28.

¹² Н. И. Рыленков. Традиции и новаторство. М., «Советский писатель», 1962, стр. 7.

вечающие духу нашего времени»¹³, — так определил направленность стихов Рыленкова Б. Соловьев.

Действительно, их отличает сердечность, искренность, родниковая чистота. Особая прозрачность, распахнутость души и идейная целеустремленность характерна для поэтических сборников последнего десятилетия его жизни, как будто все примеси, все мелкое и наносное отстоялось и забил ровный, спокойный, кристально чистый источник ключевой воды. Лирика Рыленкова направлена на то, чтобы возбудить у читателя желание быть лучше. Ее отличает пристальное внимание к внутреннему миру человека.

Один из лейтмотивов творчества Рыленкова — верность. Верность Родине, родному краю, любимой. Это не ханжество, не мещанская привычка, а постоянство глубокого и сильного чувства. И в любовной лирике Пушкина его привлекает подлинность и глубина страсти, эмоциональный накал. «Такая любовь, — по его мнению, — возвышает человека над судьбой, одновременно поднимает его и над самим собой, очищает душу, заставляет забыть все мелкое, эгоистическое»¹⁴.

Восхищение Рыленкова вызывает песнь Пушкина в честь бессмертной всепобеждающей любви «Для берегов отчизны дальней» и вершина русской любовной лирики «Я вас любил». Он считает, что «только художник кристальной внутренней чистоты и высокого благородства мог создать такое стихотворение, как «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем»¹⁵.

Полнокровное, жизнелюбивое мироощущение, радостное и свежее восприятие окружающего, подлинность и глубина чувства отличают любовную лирику Рыленкова. Эти чувства охватывают читателя при чтении стихотворений «Липы зацветают под горою...», «Откровенные стихи», «Пришла ко мне, как в юности...» и многих других. «Своей нравственной требовательностью Пушкин определил самый характер русской лирики, умевшей касаться любых сокровенных сторон человеческих

---

¹³ Б. Соловьев. Поэзия и критика. М., «Советский писатель», 1966, стр. 95.

¹⁴ Н. И. Рыленков. Душа поэзии. М., «Советский писатель», 1969, стр. 29.

¹⁵ Там же, стр. 30.

отношений, не теряя целомудренной чистоты»¹⁶, — писал Рыленков и следовал этой традиции.

Рыленкова пленяют артистизм натуры Пушкина и в то же время жизненность и реальность его поэзии. «Она не кладет на лицо жизни белил и румян, — по словам Белинского, — но показывает ее в ее естественной, истинной красоте»¹⁷.

Пушкин, сравнивая свое творчество с игрой на дудке, заканчивал послание «Батюшкову» знаменательными словами: «Бреду своим путем: Будь всякий при своем». Н. Рыленков всегда оставался верным себе, не поддаваясь соблазнам моды и конъюнктуры. «Ивовая дудочка подпаска» была символом его поэзии, и он хотел,

*Чтобы тот, кто растит хлеба,
Молвил, вытерши пот со лба:
— Как я жил без нее? Она
Мне, как хлеб насущный, нужна!*¹⁸

Народность А. С. Пушкина заключается не в подражании народной поэзии, а в самом духе его творчества, в характере образов, во взглядах, основанных на мнении народа. «В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»¹⁹, — подчеркивал Гоголь, считая Пушкина национальным поэтом.

Трудолюбие и близость к природе, чистосердечность, доброту, радушие и гостеприимство, душевную чуткость и любовь к прекрасному, беззаветное мужество, национальную гордость и стремление к независимости Родины считает Н. Рыленков свойствами русского характера. «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев и поверий, и привычек, принадлежащих исклю-

---

¹⁶ Там же, стр. 29.

¹⁷ А. С. Пушкин в русской критике. М., ГИХЛ, 1950, стр. 171.

¹⁸ Н. И. Рыленков. Избранная лирика. М., «Московский рабочий», 1965, стр. 313.

¹⁹ А. С. Пушкин в русской критике. М., ГИХЛ, 1950, стр. 41.

чительно какому-нибудь народу»²⁰, — писал Пушкин, и Рыленков в стихах, поэмах и повестях любит русскими обычаями и старинными обрядами, в исторических произведениях рисует быт и убранство жилья крестьян и ремесленников, выступает за бережное сохранение традиций русского прикладного искусства.

«Чем поэт огромнее, тем он и национальнее, потому что тем более сторон национального духа доступно ему. Но бывают таланты односторонние, не великие и вместе глубоко, хотя и односторонно, национальные: таков был талант Кольцова, в безыскусственных звуках которого высказывалась душа чисто русская»²¹, — писал Белинский. К таким художникам можно отнести и Рыленкова. Он открыл близкие ему стороны русского характера, по-своему, по-рыленковски осветил русскую душу, и в чем-то она стала понятней и роднее читателю.

Изумительна пейзажная живопись Пушкина в поэзии, поразительно его умение через картину природы раскрыть душевное состояние человека, будь то радостный взлет жизни или приступ душевной тоски.

«Лирик мягкий, задушевный и добрый. Да, он не мыслим без русского пейзажа»²², — пишет В. Солоухин о Рыленкове. И действительно, передавая прелесть застенчивой русской природы, поэт пристально всматривается и внимательно вслушивается в окружающий мир, замечает то, что не увидит человек невнимательный, равнодушный или просто далекий от природы:

*Все в тающей дымке:
Холмы, перелески.
Здесь краски не ярки
И звуки не резки.
Здесь медленны реки,
Туманны озера,
И все ускользает
От беглого взора*²³.

---

²⁰ Пушкин и Горький о народном творчестве. М., Учпедгиз, 1938, стр. 12.

²¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. XIII. М., АН СССР, 1955, стр. 465.

²² В. Солоухин. Возмужание поэта. — «Правда», 1960, 17 января, стр. 4.

²³ Н. И. Рыленков. Стихотворения и поэмы. Т. II. М., 1959, стр. 247.

«Природы нашей русский дух, щедрой, хоть по виду небогатой», летом поэт чувствует в запахе конопли и мяты, зимой — в холодных вейнях снегов. Он вновь и вновь воспеваёт «сказочную русскую красу» пейзажа. У него даже «по-русски птицы и деревья говорят».

«Великий поэт немыслим без глубинного чувства Родины, без корневого ощущения национальной почвы. Какую бы страницу Пушкина мы ни открыли — «там русский дух, там Русью пахнет»²⁴—это Рыленков считает основным заветом Пушкина. Тема Родины занимает центральное место в творчестве Рыленкова.

Другой важнейшей пушкинской традицией является гражданственность поэзии, страстная заинтересованность всем, что происходит в общественной жизни. Но создавая стихи на актуальные темы современности, Рыленков воспринимал понятие гражданственности широко, видя её в проникновении в душевный мир человека в воспитании чувств:

*Что есть гражданственность? —
Не надо вопрошать,
А надо ею жить,
Как воздухом дышать.
Гражданственность все то,
В чём разум века светит,
Чем совесть
Зову времени ответит,
Чему дается власть
И в бедах возвышать.
Что есть гражданственность? —
Не надо вопрошать²⁵.*

Рыленков умел брать своё у каждого поэта, чем-то близкого и дорогого ему, — в этом его традиционность, но в его замечательной способности всё пропустить через призму своей души, озарить светом наших дней и состоит его новаторство. Пафос его лирики — это пафос строительства коммунизма, ответственности перед народом и Родиной, глубокой и нежной любви к чело-

---

²⁴ Н. И. Рыленков. Душа поэзии. М., «Советский писатель», 1969, стр. 32.

²⁵ Н. И. Рыленков. Снежница. М., «Советский писатель», 1968, стр. 203.

веку. И тот из молодых поэтов, кто вместе с Рыленковым не может сказать: «И к Пушкину мы возвращаемся с тем же чувством, с каким возвращаемся, хотя бы мысленно, в отчий дом, когда наступает срок обдумать пройденные пути-дороги»²⁶, кто выпячивает свое я на первое место, забывая о высоких традициях русской классической поэзии и русской прогрессивной философской мысли, кто не может распахнуть широко свое сердце навстречу читателю, а старается скрыть его темные углы, придумать себя, создавая искусственные, безжизненные стихи, тот никогда не будет признан народом, а его поэзия будет безжалостно стерта временем, как след на песчаном берегу реки.

---

²⁶ Н. И. Рыленков. Душа поэзии. М., «Советский писатель», 1969, стр. 33.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	2
<i>В. А. Никольский.</i> Пушкин в 1828 и 1829 годах	3
<i>А. В. Гончарова.</i> О возможных тверских источниках «Сказки о попе и работнике его Балде» А. С. Пуш- кина	17
<i>В. Ф. Кашкова.</i> Связи А. С. Пушкина с Торжком и Ново- торжским уездом бывшей Тверской губернии	32
<i>В. Н. Соколова, Д. А. Цветков.</i> А. С. Пушкин в городе Старице и Старицком уезде	67
<i>Т. Н. Сидельникова.</i> Лирическая Пушкиниана советских поэтов	81
<i>В. А. Редькин.</i> Н. Рыленков и пушкинская поэтическая традиция	101

EA0016

Зак. 1201

Редактор М. И. Неффа
Технический редактор Н. В. Жеглова
Подписано к печати 13/IX 1972 г.

Объем 7 п. л.

Тираж 1000

Формат 84×108¹/₃₂

г. Калинин. Областная типография.